

18+

**ЧУВСТВО
БЕЗДНЫ**

Станислав Гимадеев

Станислав Гимадеев

**Чувство бездны.
Фантастический роман**

«Издательские решения»

Гимадеев С.

Чувство бездны. Фантастический роман / С. Гимадеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831465-0

Следователь Антон безуспешно расследует цепь катастроф, лихорадящих загадочную планету-колонию Аю с момента появления на ней землян. Что за эксперименты проводились с планетой и почему череда трагедий их не остановила? Расследование сдвигается с мертвой точки, когда в колонию прибывает комиссия, среди членов которой — Аня, девушка из прошлого Антона. Ожившие чувства накрывают обоих с головой и мешают работе. Они не подозревают, что нахлынувшая на них любовь станет ключом к разгадке тайны...

ISBN 978-5-44-831465-0

© Гимадеев С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Слезы Этты»	6
Глава 2. Поль Габен	14
Глава 3. «Черный март»	19
Глава 4. Накано Мацуми	25
Глава 5. Кофе на свежем воздухе	32
Глава 6. Группа Штольца	40
Глава 7. Лаборатория 3/10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Чувство бездны **Фантастический роман**

Станислав Гимадеев

*Посвящается Юке,
половинке моего сердца*

© Станислав Гимадеев, 2024

ISBN 978-5-4483-1465-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Слезы Этты»

Первыми не выдержали восточные опоры.

В воздушной круговерти скопления черной пыли, земли и каменной крошки стало видно, как они медленно валяются вбок. Предсмертный крик ломающихся конструкций прорезал пространство и, казалось, на время заглушил какофонию из грохота падающих каменных обломков, шипения и хлопков взрывающейся почвы и яростных порывов урагана. Контур купола на фоне серо-фиолетового, беснующегося неба дрогнул и плавно, будто бы нехотя, начал сползать по кривой вниз. Прямо под боком станции гигантским горбом неумолимо и чудовищно вспухала земля – словно кто-то насквозь протыкал планету гигантской иглой, и казалось, что еще немного и сквозь клубы пыли и пара, из чрева стонущих недр появится ее ужасный наколечник.

Внезапно земля совсем рядом вспучилась, словно от взрыва мины, изрыгнула вверх столб кипящей грязи и ядовито-зеленого пара. Наблюдавший судорожно отпрыгнул.

Видение рушащейся станции исчезло. В поле зрения возник неуклюже лежащий на боку катер. Машина была разбита, вокруг горела земля, ветер швырял жирные черные клочья дыма в разные стороны. Прямо на земле в нескольких метрах от катера неподвижно сидел человек, обхватив руками голову. Рядом появилась женщина с длинными спутанными волосами, обезумевшим взглядом и окровавленным лицом. Она отчаянно пыталась прикрыться тонкими руками от летящих сверху комьев и что-то кричала наблюдавшему. Но не было слышно – что, потому как неподалеку надсадно выла сирена аварийки, и бессмысленно, словно в агонии, лупили по сторонам лучи прожекторов системы наземного слежения. Еще было видно покинутый вездеход с раскрытыми дверцами и включенными фарами, намертво въехавший колесами в широкую трещину. По его бокам мелко, но непрерывно со всех сторон барабанили камешки...

В реальность его вернуло пиликанье «кома».

Он не сразу понял, что это вызов из настоящего, а не звуки той, оставшейся в прошлом, трагедии... Все-таки чревато было здесь, внутри зоны стоять подолгу без движения. Чем дольше ты стоишь, тем труднее вернуться... прогнать чужие образы, отвязаться от чужих мыслей, обрести обратно свое «я»...

Вызов повторился. Это был Карл. Антон медленно выпрямился и встряхнул головой.

– Что у тебя? – вяло спросил он.

Очертания дымящейся земли все еще проступали на фоне иссушенной почвы, он еще слышал крики и ураганный ночной вой сквозь царящую вокруг дневную тишину.

– Чего пропал? – спросил Карл. – Ты по-прежнему на «Слезах»?

– Уже собираюсь обратно... – слова давались Антону с трудом.

– А-а... – понятливо протянул Карл. – И не надоело тебе одно и то же? Вопрос риторический, – поспешно добавил он, зная реакцию Антона. – Тут у меня кое-какая инфа любопытная...

Видения прошлого не спешили пропадать. Он продолжал слышать запах дыма, и непрерывно ныла обожженная спина.

– Прошу... – выдохнул Антон. – Карл... потом, а?.. Сяду в катер – свяжусь...

– Как скажешь, – буркнул Карл. – Жду.

Карл отключился, и видения не преминули воспользоваться этим. Обрывки чьих-то мыслей, ощущений и переживаний тотчас выпрыгнули из невидимой засады и с жадностью набросились на жертву.

Солнечный день опять стал меркнуть, сменяясь мраком ночи. Антон увидел множество катеров всех мастей, роящихся в дыму воздушного пространства. Они один за другим выле-

тали с гибнущей станции и попадали в ураганно-паровой хаос. Большинству из них удавалось покинуть зону катастрофы, но некоторые беспомощно крутились в жутком месиве, пытаясь увернуться от каменного ливня. Снова что-то отрывисто прокричала женщина с лицом, разбитым в кровь, и Антон кинулся в ее сторону, чудом увернувшись от летящей метеостойки, безжалостно сорванной свирепым ветром с верхнего яруса станции.

Он бежал хромя и ничего не соображая, пригнувшись и лавируя меж огромных каменных обломков со страшными сколами. Боковым зрением он заметил метрах в десяти лежащие катера. Два пассажирских и один грузовой – их сбила стихия. Из грузового катера поспешно выкарабкивались люди, еще несколько дымящихся тел лежало среди завалов. Что происходило там дальше, за каменно-земляными кучами не было видно, потому что из трещины в почве, в нескольких шагах ожесточенно била вверх стена серо-зеленого пара, смешанная с едким дымом.

Тогда он остановился перед этой паровой стеной, задыхаясь и беспомощно озираясь по сторонам, и сердце панически сжалось от предчувствия неизбежного...

Видение исчезло само, а, может, инстинкт самосохранения помог Антону прервать этот кошмар.

Он вдруг понял, что стоит на коленях, упершись руками в землю. Он облизнул сухие губы, перевернулся и сел. Сердце ухало так, словно это не наблюдатель, так и оставшийся неизвестным, а он сам был участником давних событий... Словно это он в ужасе метался по мерцающим коридорам станции, несся по проходам к выходам, к лифтам, а после – к подъемникам – сначала к пассажирским, потом, когда стало ясно, что они обесточены, – к грузовым... Он помнил как кричал, силясь перекричать всех и, прежде всего, собственный страх в отчаянном стремлении выбраться из этого ада во что бы то ни стало!.. Только бы избавиться от страха, пропитавшего каждую клетку, ледяной хваткой вцепившегося в самое сердце...

Он провел дрожащей рукой по лбу – там выступили капли холодного пота.

Ну что, спросил он себя. Доволен? И надо было тебе, братец, снова в это соваться? Ты же нового ничего не узнал! Все равно надо было влезть, окунуться в чужую боль, в чужой страх... Так чтоб прошиб пот, чтоб пробила дрожь и появилась сухость во рту... М-да. А, может, это зависимость, и ты уже не можешь не прилетать сюда?

Антон посмотрел вверх, на блестящее в зените солнце и прищурился. Желудок ожил и подал первый сигнал. Дескать, работа – работой, а неплохо бы чего и съесть, а то ферменты, мол, застоялись, команды ждут. Хорошо бы что-нибудь переварить, так сказать, по полной программе, расщепить до самых, так сказать, аминокислот...

Он обернулся в сторону катера, покорно замершего метрах в ста от россыпи с «камнями». Ближе Янн остановиться не пожелал. Сейчас он неподвижно стоял возле катера – сама безмятежность – закинув руки за голову и подставив лицо теплым солнечным лучам. В это время суток такая возможность еще была: постоять вот так, нежа кожу теплом и вдыхая запах близких степей, а вот через часок-другой Этта начнет кусаться... Янн не шевелился, ждал терпеливо, пока Антон закончит дела. Чего-чего, а терпения онну было не занимать.

Сердце понемногу умерило ритм. Антон вздохнул и посмотрел в сторону станции, словно ища там ответа на вечные вопросы. Но станция была молчалива, как и полагается умершим. Отсюда, с расстояния пятисот метров, она напоминала гигантскую черно-синюю черепаху, которая заснула среди болотных кочек, уткнувшись мордой в землю и задрав к небу зад. Как будто около двух лет назад ее разбудили, устроив светопредставление с землетрясениями и фейерверками, и она с перепугу, со сна стала по-своему, по-черепашьему уносить ноги, да так и не смогла, не успела...

Антон тяжело поднялся и стал медленно бродить среди россыпи от одного «камня» к другому. Вообще зрелище местности после катастрофы было весьма удручающее. В километровом радиусе от этого места, бывшего тогда своеобразным эпицентром катаклизма, поверхность

планеты выглядела так, словно тут прошли боевые действия с применением тяжелой артиллерии. Земля под ногами просто ходила ходуном, утверждали очевидцы и подтверждали видео-записи.

Так все и осталось с тех пор, напоминая со стороны, а особенно с воздуха, огромный амфитеатр, изрезанный окопами, усыпанный камнями и вырванными с корнями деревьями, покореженным инженерным оборудованием. И еще густо покрытый уродливыми холмами наподобие могильных. Только в одном месте поверхность осталась нетронутой – в самой россыпи. Пятак земли стометрового диаметра, да несколько десятков «камней» на нем... Почему катаклизм не затронул «пятак» – это был один из вопросов, которые на Ае считались из ряда риторических. Почему не затронул, спрашиваете? А потому что.

Антон присел перед одним из «камней» и дотронулся ладонью до его прохладной гладкой поверхности. Довольно крупный экземпляр, отметил он про себя. Почти созревшая «слеза». Если бы не массовая «смерть» всей россыпи вследствие катаклизма, этот «камень» мог бы стать прекрасным экземпляром. Не успел вырасти, бедняга. Антон часто сожалел о том, что ему не довелось лично, а не в записи наблюдать с воздуха россыпь при ее «жизни». Говорят, это было безумно красиво, просто безумнейше. С высоты зрелище выглядело так, словно на коже планеты проступили исполинские бриллианты и переливаются всеми цветами радуги. И даже когда Этта пряталась за горизонт, «слезы» еще несколько часов продолжали светиться слабым, но стойким внутренним, будто бы заранее накопленным светом. Было в этом явлении, безусловно, нечто колдовское. Теперь все это – в прошлом. После катаклизма «слезы» на «пятаке» помутнели, приобрели матово-серый оттенок и прекратили свой рост. Формирование новых циклов остановилось, и умершие «слезы» остались скорбными памятниками самим себе. К сожалению, других зон, подобных этой, на планете не существовало. По крайней мере – среди тех, что были описаны в классификаторе Уттана.

Ну, все-все, сказал себе Антон. Достаточно! Пора возвращаться, хватит мазохизма на сегодня. Обдумаем все дома, за чашечкой, скажем, кофе. Или даже, скажем, за двумя чашечками такого ароматного, дымящегося кофе. Земного кофе с неземным, понимаешь ли, вкусом. При мысли о кофе снова недвусмысленно напомнил о себе пустой желудок.

– Ладно-ладно, – сдался Антон. – Пойдем уже.

Он снова посмотрел в сторону Янна. Тот, похоже, ничуть не изменил позы. Словно манекен, вспомнил Антон определение, которое как-то дала онну Эльза. Еще она называла его «памятником в бронзе». Она всегда недолюбливала оннов, но ни разу толком не объяснила – почему. Антон списывал это исключительно на женскую интуицию.

Он сделал несколько шагов по направлению к катеру и остановился, потому что боковое зрение поймало крохотный отблеск среди скудного грунта. Метрах в трех по левую руку. «Живой» «камешек», совсем еще «младенец», едва пробился наружу сквозь рассыпчатую бурю почву, напрочь лишенную растительности. Это был совсем молодой экземпляр, размером меньше Антонова кулака, зато уже всю блистал на солнце. Словно заявлял миру о своем недавнем появлении на свет и требовал к себе внимания.

– Откуда ты взялся, малыш? – Антон нежно погладил «слезу». – Ну и как ты тут один? Не страшно?

Он опять опустился на колени и несколько минут любовался радужными переливами новорожденного «камня». Он уже хотел было подняться, но вдруг ноги вновь стали не его ногами. Он потянул носом воздух и отчетливо почувствовал запах гари – так пахнут горящие пластиковые перекрытия в отсеках или плавится изоляция проводов... В глазах стало знакомо меркнуть, очертания камней и неровностей почвы растворялись в воздухе, сглатываемые сумраком комнаты... Он прислушался и уловил отдаленный, но уверенно нарастающий шум. Шум бедствия. Рокот гибели... Динамики в комнате и в коридоре монотонно и гулко вещали об аварийной эвакуации. На экране монитора кривлялось круглое бородатое лицо, но звука опять

не было. Лицо бородача пошло красными пятнами, и вообще он был похож на рыбу в аквариуме: такие же выпученные глаза и беззвучно шевелящиеся губы. Странно... Разве он не знает его? Как же не знать, когда это старина Ульф?!

И тут что-то сказала Сью. Когда она успела войти? Или у него провал в памяти?.. А, может, она уже давно здесь сидит в кресле, испуганно-бледная, с поджатыми губами и круглыми немигающими глазами, обхватив стопку мемокарт с отчетами так, что побелели костяшки пальцев на руках. Бежать надо, Сью, немедленно! К чертовой матери эти отчеты, к чертовой матери Вайсмана с его замераами! Сью испуганно поднимается, мемокарты летят на пол, рассыпаясь веером, разлетаются по сторонам... Только не бойся, Сью, ради бога, не бойся – умоляю! А как же Котенко, как же Светка с Маратом, дрожащим голосом лепечет она. Они же ждут, они же... Мы разве – без них?.. К чертовой матери Котенко, кричит он. Слышишь?! Кто ждет? Кого ждет?! Никто никого больше не ждет, Сью! Надо спасаться пока еще не поздно! Сью пытается что-то сказать, но не может, начинает реветь, по-детски прикрыв ладонями лицо, и опускается обратно в кресло. Ее надо успокоить, ее надо успокоить, долбит в голове мысль. Сью, перестань, соберись, слышишь, я тебе говорю!.. Паника худший помощник! Черт подери, некогда ее успокаивать, проносится следующая мысль. Хватать ее и уматывать отсюда быстрее, а то добром это не кончится, не кончится, не кончится... Эх, найти бы Зордана, да задать пару прямых вопросов! Например, знают ли онны про его эксперименты? Да что там онны... Допрыгались, мать вашу! Доигрались, сволочи... Только за такие игры кто-то должен ответить рано или поздно! Должен! В голове начинает непрерывно крутиться эта мысль: вот и допрыгались, вот и доигрались... вот и допрыгались, вот и доигрались...

Внезапно его внимание привлекают пульсирующие оранжевые вспышки на панели аварийного оповещения – неисправность наружного периметра силовой защиты. Проклятье... Это уже серьезно. Слышны сигналы сирены. В коридоре слышен топот и гомон возбужденной толпы. Все, Сью, уходим! Вставай же!.. Сью поднимает на него заплаканное лицо, протягивает руку, начинает вставать из кресла – и тут помещение сотрясает мощный удар. Она с криком летит вперед, на пол, сметая по пути отчеты... Его швыряет на стену, он ударяется об нее головой и падает. Меркнет свет, и динамики над дверью, захлебнувшись, умолкают. Сью, Сью!.. Все плывет перед глазами, в ушах – сплошной звон... И тут срабатывает система противопожарной защиты. В полном мраке комнату со всех сторон начинает заливать...

В мозгу вдруг стал лавинообразно нарастать какой-то шум, резкая боль пронзила правый висок, и тогда Антон повторно нашел в себе силы вырваться из плена видений прошлого. Он затряс головой, растирая лицо ладонями, прогоняя хищные образы, отшатнулся от «камня», вскочил и попятился. Хватит, твердил он себе, хватит, хватит! Я не железный, черт возьми!.. Я один-одинешенек на всю вашу боль и я тоже устал... Затем он развернулся и быстрым шагом пошел к катеру.

Видимо, что-то отразилось на его лице, когда он вернулся, потому что Янн уловил неладное и посмотрел на него изучающее. Прямо таки заглянул Антону в глаза, что случилось с ним исключительно редко.

– Все в порядке, – бросил Антон, вздыхая. – Полетели обратно, Янн.

Черные, глубоко посаженные глаза на вытянутом загорелом лице Янна мигнули. Больше никакой реакции. Это была одна из особенностей оннов: по отношению к ним нельзя применить фразы типа «он хотел было сказать, но передумал» или «вопрос вертелся у него на языке». Янн промолчал, значит, вопросов не имел.

Они забрались по трапу, влезли в кресла. Колпак, мягко шипя, закрылся, и системы катера ожили.

Пока Янн, так и не включив автопилот, набирал высоту, Антон сидел неподвижно и старался ни о чем не думать. Сквозь иллюминатор он смотрел вниз на проносившуюся под ними

серо-зеленую саванну. Потом саванна кончилась и замелькали редкие клочки леса, постепенно, по мере набора скорости слившиеся в бесконечно-огромное полотно.

Когда в наушнике зазвучал сигнал службы сообщений, он вспомнил о Карле. И даже удивился, как это он мог о нем забыть. Весьма странно... И непрофессионально. Что же эти зоны со мной делают, вздохнув, подумал Антон уже в сотый раз, а потом вызвал Карла.

Тот был крайне задумчив – ворочал мозгами, по всей видимости.

– Вот что... – пробормотал Карл. – Я что хотел-то... Я тебе скинул инфу. Ты посмотри, пока летишь, может, мысли какие появятся...

– Это срочно? – поинтересовался Антон. – Вообще-то я хотел изучить кое-какие архивы по горячему следу. Есть одна тема.

Карл засопел и замялся. У него всё и всегда было срочно и под статусом не меньшим чем «чрезвычайная важность».

– Неужто накопал чего? – спросил Карл, впрочем, не выходя из состояния задумчивости.

– Пока не знаю. Говори, что у тебя.

– Я только что с «Цветочного Сада». Часа четыре там проторчал. Поговорил с парой человечков из биоинженерной службы... и потом еще с одним сапиенсом из лаборатории 4/2... Думал, ничего нового не выужу, ан нет! Странные люди, эти «цветоводы», скажу я тебе! Не перестаю удивляться. Из них слова не вытащишь, столько сил надо потратить...

– Карл, ближе к делу. Насколько я понимаю, ты прорабатывал кого-то конкретно?

– Ты же помнишь Саймона, Антон? Ну, этот...

– Помню, помню. Питер Саймон, бывший «опылитель», если не ошибаюсь.

– Неплохой кандидат на разработку – вот что я тебе скажу! Понимаешь, я «цветоводам» этим будто бы невзначай подбрасывал вопросы про Саймона. Очень странный типчик в плане поведения получается, Антон, очень странный!

– Погоди. Ну и что с того? – сказал Антон. – Человек все-таки пережил трагические события. Что это ты вдруг так зацепился за его поведение?

– Слушай, да не в этом дело! – выпалил Карл. — Не совсем в поведении!.. Я стал копать дальше и вышел на какие-то чудеса с анализами! Знаешь ведь, что у «опылителей» с этим строго. А тут что-то нечисто, сдается мне. Не сходится, Антон!

– Что именно?

– То ли Саймон несколько последних медкомиссий не проходил, то ли результаты потом как-то исправлял... Может, даже старые данные подсовывал. Но как? Не знаю. Короче, я думаю, что допуск к работе он получал нелегально. А вот зачем и почему?.. Это надо выяснять, Антон!

– Конечно, надо. Выясняй, дорогой.

– Да, но мне нужны полномочия! Придется в епархию медиков соваться, это же тебе не отдел питания или там бытового обеспечения!.. Они коды доступа к своей базе каждый месяц меняют! Понимаешь?!

– Не кипятись, разберемся с полномочиями, – сказал Антон успокоительно. – И с кодами разберемся. Ну... попытаемся... Что ты так разволновался?

Карл снова засопел и задышал в микрофон. Потом добавил, несколько смягчаясь:

– Ну, ты это... Глянь файлы-то, ладно? Любопытный все-таки фрукт этот Саймон.

– Хорошо, я постараюсь. А вернусь на Базу – разберемся с кодами. Если Габен, конечно, будет не сильно занят. Боюсь, без его санкции – никак.

– Вот это ответ настоящего безопасника! – удовлетворенно крикнул Карл. – Тогда до связи.

Пока впечатления из нового «ролика» еще оставались свежими, Антон занес в «ком» список имен, которые в нем упоминались. Когда они вернуться на Базу, нужно будет проверить

еще раз каждого. Потом включил на «коме» режим трансляции, надел видеоочки и стал просматривать документы, присланные Карлом.

Записи бесед Карла с сотрудниками лаборатории 4/2 он читать не стал – отложить до возвращения. Графики дежурных смен на станции по всем подразделениям за последние полгода. По основным группам, по сотрудникам вспомогательных лабораторий и далее вплоть до персонала obsługi... Пока неинтересно. Так-с. Что там еще? Разрешения на допуски к работе, протоколы медкомиссий, копии медицинских заключений за последние два года... Ого! Карл заинтересовался данными за два года, так-так... это неспроста. Заключения были выборочные, только по ключевым подразделениям «Сада». Биоаналитики, инженерные службы, «опылители», «цветоводы»... И все. Так... Антон преодолел сильное нежелание погружаться в эту муть и начал честно читать документы, пытаясь выудить среди месива научных терминов хоть крупицу полезного. Неизвестно, надолго бы его хватило, если бы не вызов Габена.

– Антон, ты мне нужен, – сказал Габен, и голос у него был какой-то тусклый. – Скоро вернешься?

С обедом, похоже, будут проблемы, подумал Антон. А ведь он в мыслях уже рвал зубами большой, сочный кусок мяса, брызгал слюной, мычал от удовольствия и потягивал холодный томатный сок с перцем.

– Буду минут через двадцать, не раньше.

– Хорошо, – Габен вздохнул. – Я тебя жду.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовался Антон.

– Сам пока не знаю... Комиссия к нам нарисовалась, вот такая штука. Уже швартуются.

– А-а... – протянул Антон. – Чья комиссия? С Земли?

– Ваше ведомство прислало, господин следователь. Причем без всякого предупреждения... Ты что-нибудь понимаешь? Лично я – нет.

Габен снова вздохнул.

– Н-н-у... Мало ли... – произнес Антон.

– Не было такого раньше, – заявил Габен кисло. – Никогда, понимаешь? Вот что нехорошо. В общем, ладно! Через двадцать минут – у меня. Всё.

Габен отключился, а Антон несколько минут размышлял, сняв очки и вертя их в пальцах. Управа прислала комиссию, думал он. Без предупреждения. Забавно. Возвращаться к медицинским файлам ему больше не хотелось. Он убрал очки.

И тогда подал голос Янн.

– Произошло прибытие комиссии с Земли? – спросил он, не отворачиваясь от навигационных экранов. – Какая у нее цель?

Антон покосился на неподвижный профиль Янна с острым носом и ответил:

– Не знаю. Никто не знает.

Видимо, ответ Янна вполне устроил. А может, и не устроил, но Янн, как истинный онн виду не подал. Человек еще мог сказать «странно» или «да уж», онн – никогда.

Саванна внизу давно кончилась – теперь тянулись разноцветные, утопающие в блестящих озерах луга. Солнце сюда почти не пробивалось, и густые желтоватые испарения образовывали на высоте полета плотные облака, а точнее – сплошной ковер, сотканный из облаков. Янн вынужден был снизиться, и сейчас они летели под облачным полотном.

Антон глядел на мелькающее внизу разноцветье айских лугов и думал о том, что ему только что довелось увидеть.

Этот «ролик» он смотрел впервые. И это само по себе уже было интересно. Потому что за все время, проведенное им в визитах на зону «Слезы Этты», он видел многие «ролики» не по разу. И если в первые месяцы своей работы на Ае, Антон просмотр от просмотра находил что-то новое, ранее не замеченное, то с течением времени новизны становилось все меньше и меньше. А в последние полгода она Антона и вовсе не радовала. Новые видения перестали

ему попадаться, хоть он и проводил среди «слез» по несколько часов в день. Выматывал себя не на шутку, за что Карл постоянно на него ворчал. Да и старые «ролики» тоже становились со временем будто бы «тусклыми» и, если можно так выразиться, менее конкретными. Исчезали детали, краски, тонкости. Если так пойдет дальше, размышлял Антон, то через годик-другой Ая вообще перестанет помнить что-либо о тех событиях.

Полгода назад он прекратил навещать на «пятак» регулярно, как делал это раньше, хотя его и тянуло к загадочным «камням», утратившим свою былую кристальную чистоту, но все еще верно хранящим тайну.

Как, например, сегодня утром. Что-то привело его сюда. Внутреннее чутье, что будет нечто новенькое? Возможно ли такое, думал он. Впрочем, на Ае возможно всё... Вдруг фортуна пытается подать ему знак? Таинственный намек, так сказать. Или, положим, не фортуна, а сама Ая сигналист ему! А может, это одно и то же, господа, а? Только представьте себе на минуту: планета-фортуна! Красиво, конечно, но чертовски ненаучно. Больше годится для поэмы, а не для скучного отчета по расследованию дела. Вот вы видели в нашем Управлении поэтов? Вот и я не видел...

Он прервал размышления и взглянул на Янну.

– Янн, – сказал Антон. – Ты знаешь, чем занималась группа Бориса Зордана?

– Нет, – ответил Янн. – Зордан являлся ученым. Ученые изыскания – не интерес для меня. Ученые изыскания от землян... – Он замялся, подбирая слова. – ...особенно.

– А что так? – усмехнувшись, спросил Антон.

Янн смолчал, и Антон знал, что тот не ответит. Ну, в крайнем случае, попросит задать вопрос конкретнее.

– А вообще ты с Зорданом встречался? Разговаривал, может быть?

– Не было цели для разговора. Я являюсь техническим специалистом. Он являлся ученым.

– Я знаю, Янн, знаю, – покачал головой Антон. – Но не обязательно же говорить о работе... Можно же, например, – о жизни, о погоде беседовать, мечтать о чем-то вслух...

Антон поймал себя на том, что стал издеваться над онном, и замолчал. Он не хотел этого.

– Я не понимаю твои слова, – произнес Янн все тем же бесстрастным тоном. – Зачем говорить о жизни? Зачем говорить о погоде? Какая существует цель? Спроси вопрос конкретно.

А может в этом все дело, подумал Антон. Один из ключиков к разгадке психологии онна. «С какой целью?» Нет цели – нет смысла. Надо будет пораскинуть мозгами об этом на досуге. И почему он раньше так мало общался с Янном? Летать по зонам – летали и много... а вот говорить не приходилось. Может, из-за того, что он изначально не верил в эффективность бесед с онном? А вдруг ты ошибался, господин следователь?

– Ты будешь спрашивать вопрос? – уточнил Янн.

– Про погоду – не буду... Я другой вопрос задам. Хочешь?.. Э-э... то есть, можно?

– Да.

– Что онны делают с выращенными «слезами»? Для чего они им нужны... были? Точнее, не так... По-другому спрошу. Я знаю, что у вас «камни» используют у вас в науке, в космической промышленности, еще где-то там... Ты можешь сказать – почему? Какие-то свойства у них особенные, что ли, у этих «каменей»?

– Нет. Я не могу это ответить, – невозмутимо сказал Янн. – Я не обладаю знанием.

И всё. И на этом он посчитал свой ответ исчерпывающим. Человек на его месте мог бы высказать предположения, сослаться на чью-нибудь сплетню, на худой конец – задать встречный вопрос... А онн ни за что так не сделает. С какой, собственно, целью ему так делать? М-да.

– Между прочим, Янн, я сегодня нашел свеженький «камешек». Ученые говорили, что уже полтора года их нет. Опять, значит, появляются? Представляешь? Ведь это же о чем-то говорит, правильно?

– Нет понимания вопроса.

– Да не было вопроса, Янн, не было... Это я так. Сам с собой разговариваю... Но обращаясь при этом к тебе.

– Нет понимания у меня.

– Господи... Я не смогу тебе объяснить... Мне просто стало интересно, как бы ученое сообщество Оннха прореагировала на известие о регенерации зоны? Как думаешь?

Янн промолчал, и Антон вдруг подумал: с чего бы это оннам реагировать на то обстоятельство, что в зоне «Слез Этты», попросту именуемой «пятак», что-то там восстанавливается? Пусть даже способность Аи производить на свет божий одно из самых загадочных и красивых своих творений. Для оннов это, возможно, перевернутая страница – освоение Аи. Полтора года назад, сказав свое заключительное слово и вынеся вердикт изысканиям на планете, они закрыли очередную главу своей эволюции. Закрыли со свойственной их цивилизации бесстрастностью и рассудительностью. Ничуть не сожалея об оставляемой исследовательской сети со всеми ее станциями, Базой и прочей инфраструктурой колонии. Словно напрочь забыв о годах кропотливых трудов и вложенных сил... Или, может, это только так кажется на наш человеческий взгляд? Разве онны умеют сожалеть? Разве сожаление преследует какую-либо цель? Или их цивилизация настолько могущественна, что все, оставленное ими здесь, на Ае, не является для них значимой потерей? Так, сущая мелочь? Зарубка на пути экспансии, не более. Или, быть может... они еще вернуться?

– Янн, – проговорил Антон задумчиво. – А вы можете когда-нибудь вернуться на Аю?

Онн снова не ответил, хотя вопрос был, казалось бы, вполне конкретен. Это тоже было одной из прерогатив оннов: не отвечать на вопросы, если они не считали это необходимым. Антон не стал больше спрашивать Янна ни о чем. До самой Базы он не проронил ни слова, уставившись в иллюминатор.

Он попытался вспомнить что-нибудь о Зордане и том, чем он занимался на «Слезах», но в памяти Антона на эту тему информации оказалось скудно мало. Воображение снова заполнили апокалиптические видения гибнущей станции. Если бы в ту страшную ночь с восточной стороны внезапно не вырос гигантский земляной бугор, станция рухнула бы с двадцатиметровой высоты и могла бы превратиться в братскую могилу для тех, кто еще оставался в ней.

Многие считали впоследствии, что это было если уж не вмешательство божественных сил, то, по крайней мере, милосердие Аи, которая, дескать, в последний момент решила смягчить наказание ослушавшимся детишкам. Антон к этим рассуждениям относился скептически и не только в силу своей профессии. Он считал произошедшее банальным совпадением. Везением, если хотите. А везение от божьего умысла отличается тем, братцы, что второй раз может и не случиться. Так что давайте, господа, говорил он, делать выводы, искать ответы и по возможности строить прогнозы. Ну вот и отыскивай, отвечали ему, ты на то здесь и находишься... Давай выводы, давай ответы – все давай. Он и давал, как мог. Только немного надавал-то, прямо скажем, негусто.

Янн опустил катер на посадочной площадке среднего яруса. Они вылезли из машины и все так же в полной тишине зашагали к лифтовому отсеку.

– Спасибо, что составил компанию, – прервал молчание Антон, когда они остановились у двери лифта.

Янн на мгновение обернулся, взглянул на Антона со странной, едва заметной, исключительно онновской улыбкой и нажал кнопку вызова.

Глава 2. Поль Габен

Против своего обыкновения Габен оказался не за рабочим столом, а у овального, во всю стену окна, выходявшего на южный портал Базы. Внешняя заслонка была поднята полностью, и кабинет щедро залило дневным светом. Габен стоял неподвижно, опустив руки и щурясь от солнца. Смотрел он не вниз, на ежедневную будничную суету, а куда-то вдаль, где в нескольких десятках километров высился укутанный сизыми облаками частокол гор. Пиджак Габена висел на спинке кресла.

Габен даже не повернулся, когда Антон появился в кабинете, а лишь переступил с ноги на ногу и устало произнес:

– Садись.

Антон уселся в кресло и терпеливо стал ждать, когда Габен что-нибудь скажет. Прошло около минуты, прежде чем Габен заговорил:

– Они придут минут через десять. Их четверо, все из Управления Космической Безопасности. Поэтому я хочу, чтобы ты был здесь с самого начала. Бог знает, что у них на уме... Хорошо?

– Как скажешь, Поль, – отозвался Антон. – А кто именно прилетел?

– Пока не представлялись.

– А почему не предупредили заранее? – спросил Антон, но тут же понял, что сказал глупость.

Габен повел плечами.

– Ваш департамент – тебе должно быть виднее...

– И ты вообще ничего не знаешь, Поль?

– Я могу догадываться, Антон, – заговорил Габен негромко. – Как и всякий мыслящий человек на моей должности. Но официально меня никто ни в чем не уведомлял. Предполагаю, что, возможно, начнутся разборки, раскопки и тому подобное... Поэтому тебе все равно придется участвовать в этом. В той или иной степени. А может – проще! Прикроют тут всё к чертовой матери – и все дела! Полномочий у них на это хватит, я полагаю. Не так ли?

– Думаю, что хватит, – задумчиво сказал Антон. – Ты серьезно считаешь, что они могут закрыть колонию? Земля может на это пойти сейчас?

Габен, наконец, отошел от окна, приблизился к креслу Антона своей раскачивающейся походкой, остановился, выпятив животик, и пристально посмотрел на него из-под черных, густых бровей. Потом почесал указательным пальцем орлиный нос и сунул руки в карманы брюк.

– Антон, – произнес он, потом озадаченно вздохнул. – Они что-то расковыряли у себя на Земле, пока сидели в архивах. Я задницей чувствую! Подробности мне неизвестны. В конце концов, кто из нас двоих там работает?

– Но Поль... Я ведь тоже...

– А заднице своей я доверяю, понимаешь?! Чутье меня редко подводит, Антон. Вот какая штука.

– Хм, – пожал плечами Антон. – А почему я не чувствую, а?

Габен крякнул и снова потер пальцем нос.

– Ну... – сказал он, усмехаясь, и погладил свою лысину. – Лет через десять и ты научишься, я тебя уверяю.

– Все равно, Поль, – сказал Антон. – Мне твой пессимизм не нравится.

– Пессимизм... – буркнул Габен и стал расхаживать по кабинету, наклонившись вперед и заложив руки за спину. – Это не пессимизм, дорогой мой! Это ба-а-льшой скептицизм, вот что я тебе скажу! Да что я говорю, тебе прекрасно известно мое мнение, не так ли?

На время он замолчал, ходил от стены к стене, сопя и хмурясь, шевелил носом, потом продолжил:

– Честно говоря, Антон, я их жду давно. С самого начала... С той самой поры, как ушли онны. И мне, признаться, даже удивительно: почему эта странная комиссия примчалась только сейчас? Чего они выгадывали столько времени? Наверное, долго просчитывали экономические потери от закрытия колонии. Потом никак не могли найти в себе мужество смириться с этим. Да-а, нам до оннов очень далеко в этом плане!..

– Да кто бы разрешил, Поль?

– Я вообще-то думал, что УКБ примет меры сразу после событий на «Саде». Ну, может, не всю колонию, а станцию-то точно закроют... Вот почему они больше полугода раздумывали – это непонятно.

Он помолчал, пожал плечами.

– Мы все время чего-то ждем! – воскликнул он. Чего? Четвертой трагедии? Потом – пятой, шестой, не так ли?! Почему онны не стали ждать, а мы ждем?! Почему?!

– Насколько я успел понять их менталитет... – сказал Антон, – они так устроены... Видимо, им проще уйти от неизвестной угрозы, чем понять ее и придумать, как защититься.

Габен скептически фыркнул.

– Что я знаю точно, – проговорил он, – так это то, что онны ничего не станут делать просто так! Ни-че-го. И дело не в том, что они не захотели решать айские головоломки до конца! Нет!.. Полагаю, что они поняли: решение их бессмысленно.

– Или невыгодно, – вставил Антон.

– Ну... Возможно... Ладно. Все это мое личное мнение... Может быть, я ошибаюсь.

Лицо его снова сделалось усталым, он медленно подошел к соседнему креслу, плюхнулся в него, как-то сразу опал, съежился и совсем перестал походить на директора колонии.

Антон молчал. Габен сцепил пальцы рук на животе и продолжил вялым тоном:

– Даже если проект оставят и снимут только меня, я лишь вздохну с облегчением... Ей-богу, Антон, поверь. Я за кресло не держусь – ты меня знаешь. Если будет нужно – я уйду. И не стану доказывать, что я невиновен, что я тут ни при чем. Что всё произошедшее здесь – это лишь цепь случайностей... К черту!

Антон терпеливо ждал, когда Габен выговорится.

– Я честно исполнял свой долг, как умел, – бормотал Габен, уставясь взглядом в потолок. – И мне перед собой никогда не было стыдно. Да и перед другими... Понимаешь? А если уж брать по большому счету, то, выходит, я все равно виновен во всем, что здесь случилось за эти годы, вот какая штука, Антон... В конце концов, буду работать по специальности, вернусь к своим зверушкам и букашкам... В отпуск по-человечьи начну ходить. Диссертацию, наконец, по двуглавым черепахам закончу. Они такие забавные, Антон, ты бы видел! Я, черт побери, ученый! Когда-то был, точнее... Антон, ты помнишь еще, что я инобиолог, а?

Выговорившийся Габен, как и полагалось, быстро обрел рабочий вид. Лицо его разгладилось, глаза ожили и забегали. Он выпорхнул из кресла, прыгнул к своему столу, надел пиджак и сел. Словом, снова стал директором.

– Ладно, – бросил он. – Времени у нас в обрез, сейчас эта братия заявится! Давай – по нашим делам. Что у тебя нового?

Антон тоже выбрался из кресла и пристроился на один из стульев, стоявших по периметру массивного круглого стола.

– С утра провел одну беседу. Марина Хэнкс, инженер-пневматик из департамента подъемного оборудования. Работала на «Слезях» во время второй трагедии. В момент катастрофы их группа находилась снаружи станции, в районе внутреннего периметра. В общем-то, ничего путного из нее я не вытянул. Новых зацепок – никаких.

– Все еще мучаешь бедных инженеров допросами? – невесело усмехнулся Габен.

– Иногда, – улыбнулся Антон. – Теперь уже нечасто. Так... чтоб мышцы мозга не затекали.

– Не надоело?

– Надоело, Поль. До чертиков. Сам не пойму, как еще жив мой энтузиазм. Бледный и дрожащий.

– Что еще?

– На «Слезы» летал.

– Опять? И что ж ты там еще не видел на «Слезах»? Охота было тащиться за четыреста километров, сыщик?

– Не знаю, Поль... Может, чутье сработало. Ты никогда, кстати, не ощущал ничего подобного на зонах? Будто бы намазано там чем-то, и тебя туда влечет... Тянет подспудно... Меня – очень часто в последнее время.

– Ну еще бы! Я, как ты, по зонам не шастаю.

– А ты попробуй, – усмехнулся Антон. – Знаешь, как там тихо?.. Такое чувство, что остаешься с Аей один на один. И она с тобой пытается разговаривать на своем языке... А ты языку не знаешь, но ужасно хочешь ее понять. И знаки ее расшифровать... Очень интересно, клянусь.

– Ну вот отправят в отставку – тогда и буду ходить, – пробормотал Габен. – Стану постигать тайны Вселенной... Хотя... Нет... Наверное, все-таки лучше – к черепашкам. От них не бывает сюрпризов. Никаких тебе «черных мартов»... Эхе-хе.

– Поль, – сказал Антон. – Я там, знаешь, что сейчас нашел? Новый «камешек». Живой. Маленький совсем. Представляешь? Зона восстанавливается, похоже. А еще я сегодня видел новый «ролик». Уж не знаю, как это связано с рождением «слезы», но главное не это. У меня после увиденного появились некоторые вопросы.

– Ко мне? – шутливо спросил Габен.

– Ко всем, – ответил Антон. – Речь идет о группе Зордана. Хочу узнать поподробнее, чем они там занимались.

Габен задумчиво пожевал губами. На лице его возникло скептическое выражение.

– Группа Зордана практически вся погибла. Ты же прекрасно знаешь. За что ты тут сможешь зацепиться?

– Есть за что, Поль. Причастных к работам Зордана было много. Боюсь, придется влезать в науку по самые...

– Не завидую, – хмыкнул Габен и потер орлиный нос.

– И еще одно... Нужен доступ к базе медиков за весь период колонизации. Там Райнер что-то нашупал интересное по персоналиям.

– Ну и...

– Высший уровень защиты, Поль, – развел руками Антон. – С тебя – коды доступа к архивам медуправления. Сделаешь?

– Медики, говоришь... – поморщился Габен. – Эхе-хе. Ну, ты это... как бы...

– Поль! – с напором сказал Антон.

– Хорошо, – чуть помедлив, сдался Габен. – Хорошо. Что смогу. Еще?

– Я про Янна хотел спросить...

Прошебетал голосок секретаря, и Габен поспешно поднялся с места, одновременно делая Антону знаки. Потом шагнул к двери, навстречу прибывшим. Створка, тихо чмокнув, отъехала, и гости деловитой гурьбой вошли в кабинет.

Вошедший первым был рослый, сутулый человек лет пятидесяти в строгом черном костюме. У него было приятное задумчивое лицо, слегка прищуренные глаза и лоб, покрытый глубокими складками. Рослый переложил кейс в левую руку, а правую протянул Габену.

– Бенджамен Уэйн, – представился он, дружелюбно улыбаясь. – Господин Габен? Рад познакомиться. Мы представляем Управление Космической Безопасности, специальная комиссия по расследованию. Наши идентификационные профили вы непременно получите позже. Позвольте представить моих коллег... Э-э...

Он слегка развернулся корпусом в сторону спутников, и из-за его спины появилось еще трое: двое мужчин и женщина.

– Анна Венская, – быстро говорил Уэйн, делая длинной рукой плавные жесты. – Марко Паколли, Евгений Родкис... Прошу любить и жаловать.

Он продолжал что-то говорить приятным баритоном, отпуская формальные любезности, но Антон уже не слышал его. Ему протягивали руки, он машинально, не глядя, пожимал чьи-то ладони... Он замер на месте и не отрываясь смотрел на нее. Она тоже остановилась, сделав лишь несколько шагов, и застыла, едва взгляды их встретились. Стояла, не шевелясь, и мило улыбалась, сжимая в руках сумочку и слегка наклонив голову.

Аня...

Сначала он не поверил. В первый момент ему показалось, что эта женщина просто очень похожа на Аню. Несмотря на то, что ее звали тем же именем, и у нее такие же глаза... – она просто похожа, это странное совпадение, потому что такого не может быть... Он настолько был ошарашен ее внезапным появлением здесь, что потребовалось несколько секунд, чтобы очевидное стало явным. Чтобы сердце признало выводы разума.

Это была она.

– Аня... – одними губами произнес он.

Она плавно моргнула, ресницы ее дрогнули словно со сна.

– Здравствуй, – сказала Аня и улыбнулась. – Не можешь поверить?

– Теперь уже... могу... – Антон постепенно приходил в себя. – Как все... так неожиданно...

– Извини, что не предупредила, – Она поправила рукой волосы. – Так вышло... Сюрприз получился, да?

– Да уж... – Теперь и он улыбнулся. – Сюрприз, это факт. Привет!.. Сколько же мы...

Габен отвлек ее вопросом, она повернула голову, отвечая, а Антон заскользил взглядом по ее короткой темной прическе с пышной челкой, по фигуре, облаченной в деловой костюм песочного цвета и черные туфли на невысоком каблуке. Когда он поднял взгляд, то обнаружил, что ее светло-зеленые глаза вновь устремлены на него. Она несколько изменилась за эти годы, но явно относилась к той породе женщин, которых возраст делает лишь краше. Это, несомненно, была та самая Аня, только в чем-то другая... Но в чем, он не решился пока определить...

Они молча смотрели друг на друга несколько мгновений, а затем все происходящее в кабинете утратило для Антона признаки реальности. Казалось, он стал погружаться в анабиоз. Что-то раскатисто бубнил Уэйн, размахивая руками, Габен суетливо осведомлялся о чем-то у прибывших и отдавал короткие распоряжения секретарю... Слова и звуки доносились до ушей Антона приглушенными и с каждой секундой все больше вязли в воздухе. Фигуры людей в кабинете задрожали, поблекли, а потом и вовсе растворились, утонули, как тонут во тьме гаснущих осветителей театральные декорации, и на сцене остается освещенным лишь главный герой. Среди этого беззвучия и бесцветия, среди тьмы и безвременья оставалась только Аня...

Только волосы у нее теперь длинные, выгоревшие на солнце, и их треплют теплые порывы ветра. Пряди влажные от морских брызг, они чуть развеваются на фоне вечернего неба... На блестящий песок одна за другой накатывают волны, эти мелкие слуги недавнего урагана. Они слизывают крошечные ракушки и смелых розовых рачков, которых тут просто тьма-тьмущая... Ветер подвывает в скалах, будто бы просит прощения за недавние деяния. Рука Ани

лежит в его ладони, она тепла и неподвижна. Они оба молчат, серьезный и задумчивый взгляд ее больших глаз обращен на него. Она медленно поднимает руку, чтобы откинуть с лица игриво заброшенную ветром прядь волос. Губы слегка разлепляются, приоткрывая полоску зубов на загорелом лице, словно она хочет успеть сказать ему что-то важное... Но не произносит ни слова, губы опять смыкаются, и она долго и пристально смотрит ему в глаза... Потом оттуда, из сегодняшнего небытия, сквозь морской воздух и запах водорослей, сквозь шелест леса, трепет ветра и свист двигателей десантного катера, разорвавшего облачный покров, в сознание Антона просочилось его имя...

Кто-то окликнул его... Потом до его плеча дотронулись. Реальность медленно, но упрямо тянула его обратно из воронки воспоминаний, из самых глубин памяти в кабинет из стекла и кожи, в окружение сосредоточенных, гомонящих людей при исполнении. Антон поймал мимолетный и недоуменный взгляд Габена. Директор, кажется, представлял его гостям.

– ...поскольку он, так сказать, ваш коллега... – торопливо говорил Габен. – Я счел его присутствие в такой ситуации вполне уместным... Господин Сапнин уже достаточно долго занимается расследованием... да, собственно, что я вам говорю... – Габен пожал плечами. – Вы это всё прекрасно знаете. И, наверное, лучше меня, не так ли?

Бенджамен Уэйн еле заметно улыбнулся, затем отпустил в сторону Антона легкий кивок.

Антон шумно вздохнул, с трудом оторвался от глубоких Аниных глаз и бегло оглядел остальных членов комиссии. Один из них, которого представили как Паколли, был тучный, но весьма подвижный коротышка, примерно, ровесник Антона, в кучерявой шевелюре и светло-сером элегантном костюме. Коротышка все время махал руками и обнажал в улыбке крупные зубы.

Второй Антону сразу не понравился. Господин Родкис оказался сухощавым, темно-рыжим типом среднего роста в темном костюме, висевшем на нем мешком. Он был от природы бледен, постоянно щурился и крутил головой по сторонам, поджимал губы, имел хищное выражение лица и вообще всем своим видом напоминал птицу, выслеживающую добычу.

– Итак, прошу садиться. – Габен жестом пригласил гостей к столу. – Полагаю, можно приступить к делу?

Члены комиссии задвигали стульями, рассаживаясь за круглым столом и шурша принесенными пожитками. Пока Антон размышлял, куда бы ему пристроиться, Уэйн вдруг произнес:

– Думаю, что пока нет необходимости в присутствии господина Сапнина, – Еще один кивок в сторону Антона. – Не будем его задерживать.

О как, подумал Антон. Ладно. Посмотрим, что будет дальше. Он мельком бросил взгляд на Габена и уловил еле заметное пожимание плечами: Поль не ожидал подобного, но был готов к чему угодно. Как и положено директору.

– Всего хорошего, господа, – сказал Антон, окидывая взглядом собравшихся. – Я всегда к вашим услугам.

Когда он шел к выходу, то снова встретился с Аней взглядом. Всего лишь на мгновение он окунулся в зеленоватую бездну ее глаз и явственно ощутил тот далекий, казалось бы, уже забытый морской, солоноватый вкус ее губ.

Глава 3. «Черный март»

Около пяти часов вечера Антона стало терзать сомнение: а не идет ли он по ложному следу? Это ощущение не было уверенностью, нет, это был слабый голос усталости. Позади остались несколько часов блуждания в дебрях информации и отчаянные попытки ее систематизировать, разложить по полочкам, то, что раскладывалось с трудом, либо не раскладывалось вовсе. Голова гудела немилосердно, а хороших вестей от подсознания не поступало.

После беседы с Габеном он снова почувствовал, что входит в состояние, в каком не был уже несколько месяцев: состояние собаки, взявшей след. Может, чутье и подводило его иногда, но зато как мобилизовало!

Когда полтора года назад он только прилетел на Аю и начинал расследование, ему казалось, что сам воздух здесь пропитан тайнами – только хватай и раскрывай – вот тогда он впервые почувствовал вкус этого состояния... Тупики и разочарования, усталость и сомнения – все это ему только предстояло. Персонал Базы и станции «Цветочный Сад» еще не осточертел ему окончательно, у него пока хватало сил терпеть их плохую память и нежелание давать показания, густо замешанное на страхе. Непрерывные разъезды по зонам еще не приносили психологической усталости, а многочасовые перелеты из одного конца материка в другой и жизнь в катере казались полезной встряской для организма... Энтузиазм Антона тогда жил и играл мускулами. Допросы свидетелей питали надеждами, а длительные информационные анализы не так быстро утомляли мозг и душу... А потом все ушло, как вода в песок. Даже Карл с его неистощимой энергией как-то увял и в последнее время Антон все чаще стал замечать, что тот выглядит задумчивым и хмурым.

Катастрофа на территории исследовательской зоны номер 11, в обиходе людей именуемой «Слезам Этты», хотя и была в цепочке катастроф не первой и не последней, на деле оказалась самой глобальной и разрушительной. Со времени предыдущего катаклизма на момент трагедии минуло два года. Никаких внятных результатов расследование первой катастрофы не дало, оно лишь подняло массу вопросов. События успели порости быльем, и поэтому когда случилась вторая трагедия, на большинство колонистов Аи она произвела эффект грома среди ясного неба. Помимо фактора внезапности катастрофа на «Слезам Этты» приобрела настолько удручающие масштабы, что в первые часы наиболее слабонервные на Базе заголосили о конце света. Спустя месяц события той ночи окрестили «черным мартом».

Согласно данным общепланетарной системы слежения все началось с «Первого Ока Дан-нха» – исследовательской зоны номер 3. Именно на этой станции, расположенной в 450 километрах к северо-западу от Базы, как-то на душном стыке вечера и ночи вдруг истошно взвыли аварийные сирены. В западной части Влажной Впадины были зафиксированы подземные толчки и стремительное повышение температуры воздуха в районе озера. В течение нескольких минут поверхность озера (являвшегося, собственно, самой зоной) покрылась рябью (при полнейшем отсутствии ветра), а потом стала зловеще бурлить и выходить из берегов. Огромные массы воды буквально хлынули во впадину; со стороны (по записям атмосферных зондов) зрелище напоминало гигантскую кастрюлю, в которой содержимое кипело и пенилось, плескалось через край и растекалось. Только никакого пара не было, и массы воды увеличивались прямо на глазах. В какой-то момент стало ясно, что если так будет продолжаться, то для станции, стоящей в пятистах метрах от «Ока», все может закончиться плачевно. Никто и не предполагал тогда, что это всего лишь начало. Вышедшая из границ озера вода стремительно прибывала, она подобралась к опорам станции, и уже было очевидно, что само озеро тут ни при чем: потоки хлестали из недр планеты. Тогда-то оцепенение колонистов сменилось лихорадочной суетой. А настоящая паника началась, когда через полчаса Ая нанесла новый удар – на этот раз по «Слезам Этты».

На этой станции разыгралась подлинная трагедия, масштабы которой шокировали... Земля в округе буквально встала на дыбы и заходила ходуном. Казалось, что район станции и самого «пятака» подвергаются жуткому артобстрелу, идущему откуда-то изнутри планеты. Почва в самых разных местах с паром лопалась и взрывалась, извергая на свет божий тонны пород и кипящих вод. Даже небольшие горные образования – и те ожили. Станция в любой момент могла погибнуть со всеми, кто в ней находился – это осознали позже, когда анализировали картину происшедшего. Спасло ситуацию только то, что внезапно с северо-восточной стороны вспучился громадный холм земли, остановивший падение станции. Повезло – такова была официальная версия.

Пока бледное и всклокоченное руководство колонии в спешном порядке высылало на «Слезы» всю имеющуюся в наличии летную технику, события развивались лавинообразно.

Словно по цепной реакции одну за другой стало лихорадить другие зоны. Очень скоро стало ясно, что катаклизм носит общепланетарный характер. Начали готовиться к эвакуации Базы. И хотя вблизи Базы не существовало никаких зон (по крайней мере, обнаруженных), рисковать таким важным объектом не стали. Конец света есть конец света, и логика здесь одна: спасайся, кто может...

Спаситься удалось не всем. Тридцать пять погибших, включая семерых оннов – столько Ая забрала в жертву в те вечер и ночь. Но в жертву чему? Ответа не было.

В общей сложности катаклизм длился около двух часов, ближе к середине ночи на всех вовлеченных зонах аномальные явления прекратились, так же быстро как, собственно, и начались. В течение ночи еще регистрировались незначительные отклонения параметров от норм, некоторые остаточные природные явления, но в целом к утру все утихло. И вот когда утихло и рассвело, люди и онны стали подводить невеселые итоги.

Больше всех досталось «Слезам Этты». На станции погибло семнадцать людей и пятеро оннов. Большинство погибших были те, кто в панике пытался выбраться со станции на катерах и, либо попадал в каменный смерч, либо просто не справился с управлением – все-таки состояние многих в ту ночь граничило с безумием. Остальные двенадцать жертв пришлось на другие пострадавшие станции – в общей сложности их насчитывалось восемь.

Бесследно исчезла с лица планеты вместе со своей станцией зона номер 7, называемая в народе «Синяком» (участок земли в несколько десятков метров диаметром, покрытый твердой сине-зеленой породой, отдаленно напоминающей земные кораллы). Станцию погубило очень близкое расположение к зоне – всего около двухсот с небольшим метров. На записи было отчетливо видно, как на месте зоны ужасной воронкой разверзлась земная твердь, в воздух толчком выбросило облако бурого газа, и яма стала молниеносно увеличиваться в размерах. Персонал, не успевший покинуть станцию, сгинул вместе с ней во чреве Аи. Станция провалилась под землю за считанные минуты, словно планета всосала ее. Потом яма стремительно заполнилась густой черной жидкостью, отвердевшей в течение получаса. На месте трагедии с тех пор осталась огромная блестящая проплешина черного цвета. Кто-то рассказывал Антону, что она иногда становится теплой, особенно по ночам. Впоследствии проплешину назвали «Родимым Пятном», но зоны, судя по замерам зондов, в этом месте больше не существовало. К счастью, станция в тот момент находилась на консервации, и на ней присутствовала только бригада инженерного персонала. В братской могиле осталось четверо: двое людей и двое оннов, а не стандартный комплект персонала в несколько десятков сотрудников, как это бывало обычно

Другой зоной, которую Ая стерла в тот день со своего тела, стала зона, называемая людьми «Северным Зеркалом». Она исчезла в небытие вместе с горой, на склоне которой располагалась. Насколько знал Антон, исследования на ней свернули еще на заре колонизации; при зоне даже не стали возводить станцию, а ограничились типовым комплектом следящей

аппаратуры. Видимо онны не нашли в «Зеркале» никакой полезной активности... В общем, здесь обошлось без жертв. Снова везение?

«Первое Око Даннха», с которого все началось, тоже перестало быть зоной. На месте катастрофы так и осталось трехкилометровое озеро глубиной метров в десять-пятнадцать, практически покрывшее собой затопленную впадину. Только вода в нем уже не была прозрачной, нежели раньше. Станцию законсервировали, а персонал перебросили на другие объекты. Так она и стоит с тех пор – одинокая и молчаливая посреди мертвого водоема, чем-то напоминая жука-плавунца, который бежал-бежал по воде, да вдруг превратился в изваяние.

В светопредставлении «черного марта» оказалось задействовано семь станций из четырнадцати, функционирующих на тот момент на планете. Это позволяло официально классифицировать произошедшее именно как планетарный катаклизм с невыясненной причиной возникновения. И не навешивать на события ярлыков чьего-то умысла, карающей десницы Аи и прочих философских формулировок. Антон за время работы на Ае наслушался разного, и ему хватало профессиональных качеств, чтобы пропускать мимо ушей гипотезы подобного толка.

Антон появился на Ае спустя две недели после катастрофы на «Слезях Этты» – именно тогда Земля выразила серьезную озабоченность тем, что стряслось на ее вотчине. Конечно, следователь Сапнин наряду с бессрочной командировкой получил самые широкие полномочия и определенную независимость в расследовании. Но как ни крути, а два месяца были потеряны безвозвратно. Практически все ему пришлось восстанавливать по рассказам очевидцев и участников трагических событий, по скудным записям камер слежения, по бескрайнему морю документов в базах данных.

Загадок было пруд пруди. Антон ворошил горы информации, просеивая кучи мусора в поисках алмазных крупиц. Да, найденные алмазы еще предстояло отбраковывать и подвергать огранке, но даже после этого камушки все равно не соединялись в ожерелье. Как он ни старался. Они лишь свидетельствовали о фактах, они поднимали вопросы, а дальше... Дальше стлался сплошной туман. Сколько бы раз Антон ни брался за изучение обстоятельств гибели людей в ту ночь, всегда чего-то не доставало, что-то не срасталось... А если он пытался посмотреть на проблему шире и добавлял в уравнение свежих неизвестных (например, данные по первой и третьей айских трагедиях), то тогда вообще все путалось окончательно, и ему становилось тоскливо. Никакого просвета в расследовании не наступало.

Так прошло несколько месяцев. Земля его не торопила, хотя отсутствие значимых выводов начальство особо не радовало. В какой-то момент (это случилось примерно через год) Антон вдруг осознал одну вещь. Видимо, в Управлении все-таки понимали, что тутошние заморочки – задача еще та... А может, они и не надеялись на результаты изначально – ведь это же Ая, господи, колония оннов, как ни крути... Может, этим и объяснялось то, что Антона командировали сюда одного – случай редкий в подобной следовательской практике. «Действуйте по своему усмотрению» – вот какова была наиболее типичная резюмирующая фраза в указаниях руководства. Постепенно он привык к такому положению вещей. Так что, господин следователь, говорил он себе, сидите, работайте потихоньку, да не перенапрягайтесь здорово. Никто наверху от вас ничего великого не ждет. Но если с этим обстоятельством он быстро смирился, то с собой справиться было куда сложнее. Профессиональные железы требовали работы.

Поначалу ореол тайны вокруг научных исследований был не по душе Антону, не привыкшему к тому, что даже следователю УКБ могут всегда сказать: а вот сюда, господин хороший, не лезьте, не ваша это, знаете ли, епархия... В первые месяцы расследования ему это сильно мешало, и он с непривычки вставал на дыбы: выбивал всевозможные санкции и временные коды доступа к базам данных, то через Габена, то через своего шефа в Управе. В колонии на него косились: иногда с недоумением, иногда с недовольством. Очень скоро после утомительного времяпровождения в архивах и перелопачивания груд научной (а значит, почти

бесполезной для него) информации, после множества бесплодных попыток систематизировать непонятное Антон сдался. Все-таки он был не ученый, а сыщик.

Однажды он открыто поднял этот вопрос перед руководством. Антон предложил пригласить ему в помощь специалиста по предметной области. Земля ответила обтекаемо, но уверенно: мол, ваше дело расследовать человеческий фактор, а не научный. А если они, эти факторы, тесно переплетены, спрашивал Антон. Вы предоставьте доказательства, тогда и будем решать дальше, отвечали ему. Получался замкнутый круг... Потом он окончательно успокоился и прекратил попытки прыгнуть выше головы. Вместо запросов на Землю ему становилось проще и спокойнее пометить очередной документ грифом «непонятно» или «нет доступа».

Антон сознательно не стал подробно изучать деятельность оннов на Ae – это было, наверняка, не под силу и целому отделу, не то что бедному следователю-одиночке. Он ограничился общими, базовыми сведениями, без которых было ну никак – все-таки Ая была колонией Оннха, а люди, по сути, работали здесь в качестве любезно приглашенных партнеров. По крайней мере так было поначалу, несколько лет назад... А сейчас? Кто такие люди сейчас на поспешно оставленной оннами планете? Со всеми ее тайнами и чудесами? Тоже неслабый вопрос...

Все научные изыскания Земли происходили без привлечения оннов – ни один из их специалистов не был замечен в каком-либо проекте на протяжении всего присутствия людей на Ae. Оннов не интересовали разработки человечества. Возможно, им хватало собственных забот, а может, главенствовали их принципы познания, их философия? Кто знает?.. Антон даже склонен был полагать, что если бы онны участвовали в проектах Земли, то никакого расследования со стороны Управления не было бы вовсе.

И вот сегодня фортуна, похоже, подмигнула Антону. Не улыбнулась, нет – только слегка подмигнула да заигрывающее повела бровью... Дала намек, в каком направлении копнуть руду. Или ему показалось? А вдруг он уже разучился понимать ее намеки? Антону очень не хотелось в это верить. И поэтому он потратил несколько послеобеденных часов на проработку темы Зордана.

Пришлось изрядно покорпеть над архивами и долго терзать диспетчер внешних запросов. Прежде всего Антона интересовал сам Зордан и те, кто пропал с ним на станции «Пупочная Скважина». Он едва успел отослать кропотливо составленный запрос во тьму космоса, как заявился Карл.

Он шумно ввалился в кабинет, налил себе стакан апельсинового соку, возбужденно бухнулся в кресло всей своей громадой. Наверное, предвкушал горячую дискуссию.

Антон приподнял голову и молча посмотрел на него поверх мониторов. Карл покрутил стакан с соком перед глазами, словно видел его впервые в жизни, и смачно отхлебнул.

– Ну? – деловито поинтересовался он. – Глядел?

Антон вздохнул. Он понял, что речь шла об его обещании Карлу просмотреть информацию по «цветоводам», которую тот скинул еще днем. Антон красноречиво молчал. Карл догадался и попытался изобразить недовольство.

– Понятно, – сказал он. – Я так и знал.

Потом почесал светлую, стриженную макушку, посмотрел внутрь стакана, сдвинув кустистые брови.

– Ну некогда было, некогда... – буркнул Антон. – Пойми... Я завтра обязательно гляну. Клянусь.

– А чем ты занялся, интересно? – пробубнил Карл в стакан. – На «Слезы» зачем-то мотаешься... Что ты там не видел? Тут, можно сказать, некоторых фруктов пора на чистую воду за шкуру выводить, а ты по руинам да по руинам всё...

– Ты имеешь в виду Саймона? – спросил Антон. – Так выводы, бога ради, кто ж тебе не дает! Коды доступа к базе медиков ты просил – я тебе их обеспечил. Вот и пользуйся, пока взад не отобрали.

Карл что-то сокрушенно пробурчал в ответ, залпом отпил сок и поерзал в кресле.

– Ну ладно, – сказал он. – А что там с комиссией слышать?

– Пока не знаю. Завтра, может быть, прояснится.

– Прикроют контору и правильно сделают.

– С чего это ты решил, что прикроют?

– А что им еще остается? Прикрыть и разогнать всех к чертовой матери! Пока тут окончательно не наступил конец света и братская могила... Онны вон не дураки! Жареным запахло – и свалили!.. А мы вместо того, чтоб у них учиться...

– Я тебя умоляю! – перебил его Антон. – Слышали мы такое уже, слышали! Учиться он у них собрался. Ученик...

– А чего это, чего? – стал распалаться Карл, покрываясь розовыми пятнами. – Я вообще считаю, что в колонии надо провести грандиозную чистку персонала. И больше половины – выгнать в шею. В шею! Я тебе точно говорю! Разумеется, после того как найдем виновных, – добавил он, смягчаясь.

– Хорошо, хорошо, – поспешно сказал Антон. – Всех выгоним, всех накажем... Только не сегодня, ладно? Сегодня – никак, братец. Давай иди с миром. План действий на завтра обсудим позже.

– Вечно у тебя нет времени... – проворчал Карл, одним большим глотком осушил стакан и поднялся. – И сок-то у тебя все время теплый, между прочим.

– Что-что? – переспросил Антон.

– И кресло неудобное! – бросил Карл и исчез из кабинета.

Антон, усмехнувшись, покачал головой, с минуту глядел на дверь, затем вернулся к работе.

Работы группы Бориса Зордана, как, впрочем, и другие научные проекты на Ае, были весьма засекреченными. И не только от взгляда стороннего наблюдателя, но и многих колонистов, работающих бок о бок с членами группы Зордана.

Антон пытался разузнать о работе Зордана еще полтора года назад. Но сделать это можно было, лишь вскрыв замок сверхсекретности, висевший на материалах по деятельности группы. Прав доступа следователя УКБ к этим данным было недостаточно. Он выведал тогда крайне немного: общие сведения и свидетельские показания, в которых не было ничего кроме боли, кошмара и человеческих страданий.

Сегодня Антон еще раз перелопатил архивную кучу, но ничего полезного не нашел ни о проекте Зордана, ни о том, над чем вообще работал этот человек, являвшийся одной из важнейших научных персон в колонии. И ближайшим соратником Андрея Стоцкого.

В группу Зордана входило десять человек. Группа погибла во время второй айской трагедии практически в полном составе – в живых осталось только двое.

Шесть человек, включая самого Зордана, сгинуло при весьма странных обстоятельствах на исследовательской зоне номер 4 (называемой людьми «Пупочной скважиной» или попросту «Пупком»). Зона, расположенная в восьмистах километрах к востоку от Базы, представляла собой идеально круглую, конусообразную скважину на пологом склоне горы диаметром в сто сорок метров. Скважина уходила вглубь планеты на несколько километров. Станция располагалась неподалеку, у подножия горы. Во время второй айской трагедии в округе зоны температура воздуха подскочила до двухсот с лишним градусов, после чего начался ураган. Сработали системы безопасности, станция оперативно «накрылась» защитным куполом, и никто из персонала не пострадал. Катаклизм бушевал недолго и исчез, а показатели окружающей среды скоро вернулись в норму. Никто на станции и не предполагал, что в ночь катастрофы часть людей

Зордана будет находиться непосредственно в зоне. Штабу спасения и в голову тогда не пришло бросаться спасать кого-то возле скважины – ведь никаких плановых мероприятий в ту ночь там не проводилось. Новость о том, что Зордан, не предупредив руководство «Пупка», вместе с пятью соратниками был ночью не на «Слезях Этты» (как многие считали), а на другом объекте, пришла позже, уже к утру, когда стали подводить печальные итоги катаклизма.

Вот когда все ахнули и ринулись к скважине. Однако не нашли там ни тел, ни следов гибели людей. Обнаружили лишь сиротливо стоящее возле скважины оборудование, не разбросанное и обесточенное. Создавалось впечатление, будто бы группа просто выключила технику и освещение, ушла, предположим, на ужин и больше не вернулась. Исчезла в айском небытии... Если люди Зордана и погибли в глубинах скважины (что приходило на ум в первую очередь), то было совершенно непонятно, какие силы им в этом содействовали?

Вторая часть группы состояла из четырех человек. Работами ее руководил Герман Штольц, ближайший друг и соратник Зордана. Именно люди Штольца работали в ночь «черного марта» на «Слезях Этты», станции, к которой был официально приписан весь зордановский проект. Таинственный проект, носивший название «Сапфир-Х». (Упоминание о нем встретилось Антону за все время следствия всего несколько раз, да и то в самых потаенных уголках научных архивов). Трое ученых и один инженер группы Штольца вместе с техникой в момент начала катастрофы находились в зоне, среди «камней» и встретили стихию беззащитными. В отличие от зордановцев на «Пупке» люди Штольца присутствовали на «Слезях Этты» совершенно легально. Но им это не помогло. Двое сотрудников были найдены мертвыми, а двое, оставшиеся в живых, оказались в совершенно невменяемом состоянии и представляли собой удручающее зрелище. Транспорт, приборы, стойки со спецтехникой – все было изувечено и разбросано по частям в радиусе нескольких сотен метров от «пятака».

Конечно, оставались копии записей переговоров людей Зордана, как на «Слезях», так и на «Пупке», но к тому моменту, когда за дело принялся Антон, записи были для него недостижимы, поскольку осели в хранилищах под грифами секретности. Несколько раз он пытался раздобыть их и прочие материалы по проекту «Сапфир-Х», но безрезультатно.

На все запросы к колониальным базам данных Антон неизменно получал лаконичные формулировки типа «Шифр архива утрачен» или «База данных повреждена». Он опять пробовал продавить себе права доступа через Арчера. Сначала запросы Антона отклонялись шефом без комментариев, а несколько позже он намекнул, что в случае с Аей нужен наивысший уровень допуска, а его нет не только у него, Арчера, но даже сам начальник Управы обязан согласовывать этот вопрос где-то в верхах. Понимаете, старший следователь Сапнин? Антон понимал. Он понимал, что дело не только темное, но и, по всей видимости, гиблое. Пробивать толстый пласт инстанций при каждом точечном поиске информации ему не хотелось. Поэтому пыл Антона по отношению к расследованию гибели группы Зордана через полгода полностью иссяк.

И хотя его азарт сегодня неплохо подстегнули, в какую-либо результативность новых запросов по этой теме он не верил. Не дадут мне сунуться в эти дела, думал он, в задумчивости глядя на экран, где диспетчер запросов послушно мигал уведомлениями об отправке. Отфутболят, как пить дать... Тогда отфутболили и сейчас пнут. Ну да ладно, где наша не пропадала?

В панели расписания высветилось напоминание – десять минут до визита господина Накано Мацуми, роботехника с «Цветочного Сада».

Водичка в деле третьей айской трагедии была не менее мутная, чем во всех остальных айских загадках. Но он с большей охотой разбирался в этой истории – хотя бы потому, что эти события произошли уже при нем.

Надо было переключаться с одной темы на другую, и Антон поймал себя на ощущении, что делает это с неохотой. Он помассировал затекшую шею, покрутил головой и развернул на экране досье Мацуми.

Глава 4. Накано Мацуми

Господин Мацуми оказался пунктуален. Его невысокая и худощавая фигурка почти-точно возникла на пороге ровно в назначенное время. На предложение Антона присесть он отреагировал как-то боязливо, помялся в нерешительности, но все же опустился в кресло возле стола, сложившись пополам.

– Господин Мацуми, – сказал Антон, – Вы догадываетесь, по какому поводу я вас пригласил?

Мацуми почтительно кивнул.

– Я бы хотел вернуться к разговору об известных вам событиях, произошедших в районе станции «Цветочный Сад» 15-го числа 2-го месяца 15-го года. Вы в то время принимали участие в спасательных работах на территории автономного лагеря вблизи станции. Правильно?

Мацуми еще раз почтительно кивнул.

– В принципе, я все изложил подробно в отчете, – произнес он осторожно. – Но если нужно, готов повторить.

– Будьте любезны.

Господин Мацуми медленно откинулся в кресле, с минуту думал, опустив взгляд в пол, потом заговорил.

Речь его была негромкая и размеренная. Надежды на то, что он вспомнит что-нибудь новое о третьей айской почти не было. Антон без всякого энтузиазма слушал повествование господина Мацуми о той ночи, когда его и других сотрудников техперсонала «Сада» буквально подбросило в постелях от истошного воя аварийных сирен. Правда он, господин Мацуми, не может не отметить в своем рассказе тот факт, что из-за «шторма», сон его тогда был беспокойный. Впрочем, с тех пор он у него всегда такой... Не обратил ли господин следователь внимание, что во время «штормов» в последнее время стал очень плохой сон? Неглубокий какой-то... Может, биоблокаторы перестали помогать? Это он, Мацуми, к тому говорит, что опасается: вдруг организм землян за эти годы настолько к ним адаптировался, что они уже и не сбавывают? На это господин следователь отозвался философски, в плане того, что исключать нельзя ничего и деликатно попросил господина Мацуми не уклоняться от существа дела.

Мацуми почтительно кивнул и продолжил. Однако, не уклоняться у него не получалось. Он вспомнил, как их бригаду и еще несколько служб в спешке да темени сначала бросили к основному разлому в земле – туда провалился один из технических ангаров. Машины в ангаре стояли аккуратно после техобслуживания, все как на подбор, готовые к работе, и вот же жалость... Мацуми некоторое время сокрушенно качал головой и сетовал на злостное стечение обстоятельств. Представьте себе, господин следователь, ведь второй ангар был почти пуст! Ну, несколько вездеходов старых моделей не считаем – кто ими пользуется в здоровом-то уме? Никому они нужны, никто по ним не заплачет... Так вот, тресни почва под вторым – сколько бы оборудования уцелело! Но не повезло же, ох как не повезло... Он, Мацуми, впоследствии был одним из ярых сторонников идеи по вызволению техники с глубин. Ведь всю душу свою роботехническую вложил, с каждого чипа пыль сдувал, возился словно с детьми... и такая напасть!.. Он и убеждал руководство и расчеты приводил, и лично вызывался спускаться в разлом... Понимаете, господин следователь, если аккуратно разрезать стенки ангара, да аккуратно смонтировать наверху подъемники... да можно даже беспилотные катера использовать, если аккуратно-то!.. Но начальству, как всегда, виднее!.. Посчитали, что затея с поднятием техники с такой глубины нецелесообразна, малоэффективна и т. д. и т. п. Никогда он, Мацуми, не примирится с этим решением. Ведь они для него, Мацуми, как дети родные, к каждому агрегату свой подход требуется, у каждого собственный характер имеется... Вы вот, господин следователь, представляете, каким капризным становится скалопроходчик К-серии, если ему задать

неправильно суточные отклонения координат базового модуля? Или, например, эти последние воздушные «силовики» с каскадной передачей!..

Господин Мацуми вошел во вкус и стал размахивать руками. Глаза его разгорелись и стали больше обычного. В тот момент, когда он сделал паузу и глубоко вздохнул, готовясь к очередной тираде, Антон поспешно вставил:

– Господин Мацуми, давайте вернемся к теме. Меня интересует ваше участие в раскопках лабораторного модуля. Итак, когда именно вас перебросили к завалу?

Мацуми снова вздохнул и заметно потускнел. Видно было, что вопросы роботехники занимали его больше.

– Так сразу с разлома и сняли, – буркнул он. – В принципе, мы ничего и сделать-то с ангаром не успели. Как в отделении узнали, что лабораторию завалило – так нас всех туда и перекинули...

– Сколько примерно времени прошло?

– Час, может... или полтора, – пожевал губами Мацуми. – Трудно так сказать. Время как-то исчезло тогда... Понимаете, состояние было странное... Непонятное... Я даже объяснить не могу. Сирены орут, ветер с ног валит, в воздухе – каменная крошка с гор... И люди все какие-то невменяемые. Словно с ума посходили, ей-богу.

– А как вы можете это объяснить? – Антон задал вопрос, который за последнее время уже набил ему оскомину.

Мацуми пожал плечами и озадаченно заглянул Антону в глаза.

– Ну так «шторм» же... Потому и положено сидеть на станции и не выходить за пределы защитного периметра. Не зря же...

– Да это понятно, – перебил его Антон. – Я спрашиваю про ваше личное ощущение. Что вы тогда чувствовали? Можете хоть как-то объяснить свое состояние? Как оно менялось, на что обращали внимание? Понимаете меня или не совсем?

Мацуми растерянно молчал.

Господи, подумал Антон устало. Зачем я опять за старое? Я же не психолог, не медик, в конце концов... Что я хочу услышать? Что я жду, собственно, от этих несчастных очевидцев? Неожиданного откровения? Оригинальной интерпретации айских тайн? Я задаю странные, невнятные вопросы, но содержится ли в них путь к ответу? Я не знаю этого, но я все равно их задаю... потому что никаких других у меня нет...

– Я настаиваю на ответе, – проговорил Антон.

Мацуми посмотрел на него пристально, шевельнулся в кресле.

– Знаете, господин следователь... – тихо сказал он. – Мне трудно... подобрать слова. И самое ужасное... нет-нет, самое удивительное заключается в том, что восприятие прошлого тоже меняется. Вот чего я никогда не пойму!

– Поясните, – попросил Антон. Такого умозаключения за полтора года он еще не слышал.

– Ну например, когда мы прибыли в лагерь... Сначала мы носились туда-сюда между уцелевшими ангарами, подстанцией и грудями оборудования... Орала что-то как безумные... В принципе, это напоминало массовый шок! Точнее – страх. И, знаете, не оттого, что могло кого-то убить в темноте булыжником... или деревом... Их много тогда сорвало с гор... Это был страх, сидевший внутри!.. Такой леденящий... Безотчетный! Вам доводилось, господин следователь, когда-нибудь испытывать безотчетный страх?

– И как же изменилось ваше восприятие теперь? – не обращая внимания на вопрос, поинтересовался Антон.

– Теперь... – Мацуми опустил глаза в пол. – Теперь мне кажется, что тогда это больше походило на кошмарный сон, в котором я принял участие. Будто той ночью я провалился в нереальное... Попал в какой-то потусторонний мир... Стал участником чьего-то фильма!.. Ну как вам объяснить?.. Ощущение, что мне все это приснилось, только сон оказался настолько

реалистичен, что создалось впечатление, точно все произошло в действительности. А на самом деле ничего не было.

– То есть как – не было?

Мацуми на несколько секунд умолк, слегка приоткрыв рот и водя глазами по сторонам. Антон ждал.

– Знаете... – произнес Мацуми медленно. – У вас когда-нибудь бывало так, что вы не можете точно определить: было ли какое-либо событие в жизни или же во сне?

– Раньше бывало. До того, как попал сюда... – Антону срочно пришлось подавить внезапно нахлынувшую волну воспоминаний. – К сожалению все трагические события на Ае за последние четыре года это подлинный реализм. – Он вздохнул. – Ну хорошо, господин Мацуми, давайте все-таки вернемся к завалу лабораторного модуля.

Господин Мацуми помедлил, моргая, облизнулся и нехотя вернулся в ту кошмарную ночь. Он стал рассказывать, как он в составе наспех сколоченной спасательной группы несколько часов кряду ворочал скальные обломки, рыл теплую, дымящуюся землю и прислушивался к звукам снизу...

Антон слушал его, а сам вдруг стал размышлять о смешении сна и яви. Мир, существующий во сне... Расплывчато. Чьей реальности, спрашивается? В чьем сне, чьем восприятии? Что значит «существовать»? И если сон неотделим от яви, то разве он не может считаться полноправным элементом реальности? (Извините, господин Мацуми, но меня не интересуют характеристики этого вашего... э-э... бурильного блока... благодарю, продолжайте).

На Ае ему перестали сниться сны. Вообще. В первую очередь, он относил это на действие биоблокаторов, прием которых являлся строго обязательным для всех колонистов. Ему даже периодически приходила в голову мысль попробовать не принимать их и посмотреть: вернутся ли сны, и не связано ли их отсутствие с чем-то другим, выходящим за рамки биохимии и генетики... (Если возможно, опустим вопрос о качестве программного обеспечения киберпроходчика серии М, а о... ну хорошо, серии НМ... и тем не менее – не отвлекаемся, хорошо? Господин Мацуми, так со скольких сторон вы пробивали ходы в заваленный модуль?..)

Мацуми опять сник. Ему совершенно не нравилось ворошить в памяти мерзкие сцены прошлого. Ему хотелось поведать миру о новейших маршрутных картах для интеллектуальных геоконструкций поколения «Саттак», а вовсе не о душном, теплом мраке, царившем в отсеках модуля, раздавленных тоннами земли. Он с радостью пустился бы в воспоминания о том, как их отделение недавно испытывало глубоководные капсулы на «Втором Оке Даннха», но вынужден был вспоминать, как приходилось крадучись пробираться через темноту и пыль... Как он в группе спасателей шел сквозь выхваченные фонарями струи воды... а она противно стекала в проходы по лопнувшей обшивке стен... Как они медленно, словно во сне, пробирались сквозь шелест сыплющейся в проломы земли, сквозь унылый скрип и леденящий душу скрежет покореженных конструкций, и звуки очень напоминали предсмертные стоны похороненного заживо огромного существа... Идти было трудно, все сжималось и тряслось внутри и не только потому, что в любую минуту зыбкое равновесие внутри модуля могло перерасти в новый обвал, а потому что страшно было увидеть то, что их ждало... Они пробивали входы в зал центральной лаборатории, где по их предположениям могло быть заблокировано несколько человек. В итоге их расчеты оправдались, но пользы от этого уже не было никакой. Все четверо человек, найденные в центральном зале, оказались мертвы. Как потом констатировали медики, они умерли задолго до того, как к ним пришла помощь и отнюдь не от травм, отравления или еще чего... Понимаете, господин следователь, они умерли еще во время завала! А мы ничего не могли сделать, ничего!.. Мы прибыли слишком поздно... Ему, Мацуми, чрезвычайно тяжело об этом вспоминать и еще труднее говорить... Все время перед глазами стоят их лица... У него тогда ноги не двигались, руки тряслись! И пока они вытаскивали трупы, все время хотелось убежать куда-то далеко-далеко и кричать...

Мацуми умолк, втянул голову в плечи и уткнулся взглядом себе в колени. Размеренный рассказ его превратился в рваные фразы вперемешку со вздохами. Нужно было либо реанимировать его первоначальное состояние, либо прекращать допрос.

– Скажите пожалуйста, а вас познакомили с записью осмотра места происшествия?

Мацуми медленно поднял глаза на Антона. В них сквозили усталость и боль. Словно он только что вернулся с того завала.

– Что? – одними губами произнес он.

– Знакомили ли вас с записью осмотра места происшествия после того, как все закончилось?

– Да, кажется... – Мацуми наморщил лоб. – Я точно не помню. Кажется, да.

– Как вы считаете, от чего умерли те четверо в модуле?

– Откуда я могу знать? – чуть не воскликнул Мацуми. – Посмотрите заключения медиков...

– Я знаком с материалами медиков. Меня интересует ваше впечатление от увиденного. Понимаете меня? Ваше! Возможно, вы видели, или слышали, или узнали нечто такое, что не попало в записи и отчеты.

Мацуми еле заметно вздрогнул, но попытался это скрыть. От взгляда Антона это не ускользнуло. Так-так, сказал он себе мысленно.

– Я мало что видел, – пробормотал Мацуми. – Я все время был с Толей... В основном он руководил работами. Пока Лену в лаборатории не нашел... А потом... – Голос его дрогнул, он втянул голову в плечи. – Ничего не помню. Все время на них смотрел... Очень больно и страшно! Извините, но я плохо помню детали.

– Вы говорите об Анатолии Каперине?

– Да.

– А в каких отношениях вы с ним были?

– Толя был моим другом. Отличный специалист... Если бы не все, что случилось, он бы... – Мацуми осекся, кусая губу, затем продолжил: – Понимаете, господин следователь... Толя очень хотел узнать правду! До самого конца ходил сам не свой...

Мацуми уронил лицо в ладони и стал его разминать. Потом выпрямился в кресле, сцепил руки в замок и уставился в окно.

Не договаривает, сверлила Антона мысль. Чего-то боится.

– Из всех, кто там погиб, я близко видел только Лену. – Мацуми старался сохранять спокойствие. – Но этого мне хватило, поверьте... Если бы ее разорвало на части, и то это было бы не так ужасно как... как выражение ее лица. Ничего более страшного я в своей жизни не видел. Правда!..

– Считаете, она умерла от страха?

– Думаю, да... От животного страха. Господин следователь, она прокусила себе язык! Настолько у нее оказались стиснуты зубы. И ладони до крови... ногтями проколола – так у нее были сжаты кулаки! А поза, в которой она лежала... да и остальные тоже... Да вы видели, должно быть?

– Разумеется, – сказал Антон.

В памяти тут же возникли кадры давнишней видеозаписи. Выхваченные лучами фонарей скрюченные фигурки людей на полу по разным углам комнаты. Будто бы каждый из них хотел умереть в одиночестве. В ту ночь они беспомощно забивались по углам, сжимались в клубки в попытках спрятаться от объявшего их ужаса, они исторгали нечеловеческие крики. Ужас, сопровождавший их в последний путь, так и остался запечатленным на мертвых лицах. Антон смотрел эти записи много раз за минувшие полгода, словно пытался обнаружить во тьме погибшей лаборатории, среди мертвых тел и мертвой техники хоть ничтожный проблеск отгадки... Увы, ничего так и не блеснуло.

– Я Толю хорошо понимал, – сглотнул Мацуми. – Знаете, ведь такая ужасная смерть... А они сильно любили друг друга... И он просто не мог смириться с тем, что смерть Лены станет еще одной загадкой Аи. В принципе, Толя считал, что многие тайны здесь можно раскрыть. И он бы добился этого, я уверен!

– Откуда же такая уверенность, господин Мацуми?

– Господин следователь, кроме тайн планеты есть еще и вполне конкретные люди. И не надо все списывать только на Аю... Если бы Толя не ушел... то обязательно бы добрался до правды. Обязательно! Такой он был человек.

– Вот как? – сказал Антон. – Вы, значит, полагаете, что Каперин не погиб? Почему, собственно? И куда, собственно, он ушел?

– Понятия не имею, – прошептал Мацуми. – Просто мне так кажется... Может, потому, что не хочу верить в его гибель.

– А он может, по-вашему, вернуться?

– Не знаю. Я не могу объяснить всего, что чувствую. Не могу и все. Мы никогда не пойдем эту планету до конца... Никогда не узнаем ее. Мы можем только чувствовать Аю. Но трактовать и анализировать... нет-нет... Ни в коем случае...

Антон смотрел на Мацуми, тот – на свои сцепленные на животе руки.

– Господин Мацуми, – сказал Антон медленно. – Вы ничего интересного больше не вспомнили?

Мацуми негромко кашлянул и бросил взгляд в сторону.

– Скажите, господин следователь, – Тон его чуть изменился. Он замялся. – Скажите... Вы по этому делу... Я имею в виду февральские события... Вы, в принципе, уже допрашивали господина Саймона?

Только профессиональная выдержка позволила Антону сохранить на лице выражение спокойствия. Сегодня, похоже, весьма удачный день, мелькнула у него мысль.

– Нет, не допрашивал, – произнес Антон как можно более равнодушно. – Хотя имя знакомо. А кто он, этот Саймон?

Мацуми молчал. Что-то ему все еще мешало. Антон вышел из-за стола и, приблизившись к Мацуми, дотронулся до его плеча.

– Итак, кто такой Саймон?

– «Опылитель». Точнее, был им в то время. Сейчас, вроде бы, работает техником на одном из энергоблоков «Сада». Хотя, знаете... Ну какой из него, бывшего «опылителя», может быть техник? Не понимаю.

– А часто вы общаетесь с «опылителями»?

– Случается... В принципе, можно сказать, что часто. Правда мы-то в их работу не лезем – все равно глухой лес... Да и не станут они про свою работу распространяться, это же ясно. Так... На обед иногда ходим вместе, в футбол играем, если не жарко.

– Саймона хорошо знаете?

– Можно сказать, что плохо. Виделись изредка. Производит впечатление скрытного человека. Знаете, есть такие люди, сами в себе? Вот... Саймон такой. Глаза все время смотрят под ноги. Говорит мало, ничем не интересуется, живет один, коллеги его говорят... А после февральских событий вообще не показывается на коллективных собраниях.

– Понятно, – Антон пристально посмотрел Мацуми в глаза. – Но вы же что-то иное собирались сказать?

Мацуми долго молчал, замерев и собираясь с духом. Наконец с трудом выдавил из себя:

– Мне кажется, Саймон... Он каким-то образом связан с событиями той ночи.

Мацуми запнулся, но Антон не стал его подталкивать. Он терпеливо наблюдал, как внутренняя борьба Мацуми подходит к финалу. Когда Мацуми принял решение, ему полегчало

на глазах. Он несколько раз втянул воздух носом и откинулся на спинку кресла. Лицо его разгладилось.

– Вы знаете, что такое автоматический аварийный регистратор? – спросил он.

– В общих чертах.

– Их устанавливают в любом лабораторном помещении. Настроены они на стандартные сигналы аварийного оповещения. Питание у этих регистраторов автономное. Так вот, такой регистратор работал в лабораторном модуле и в ту ночь. Несмотря на то, что во время оползня системы питания модуля были обесточены.

– Да, я понимаю, о чем вы. Мы прослушивали ту «имку» из лаборатории. Но там записан только звук... Регистратор был так настроен, если я не путаю.

– Вы слушали эту запись?! – изумленно воскликнул Мацуми. – И не допросили Саймона?!

– Не вижу никакой связи Саймона с записью. Насколько я помню, ничего полезного в ней не было. Сплошная боль... Гибнущие люди... Страшно и отвратительно. Но следствию запись, увы, не помогла.

– Но... А как же Саймон... Эти упоминания...

– Какие еще упоминания?

– Подождите, господин следователь... – Мацуми нахмурился, поспешно соображая. – Неужели...

Что-то здесь было не так. Антон одновременно с Мацуми начал лихорадочно вспоминать детали. Запись как запись. Ничего важного. Вот же черт!.. Либо Мацуми что-то путает, либо кто-то шустро отредактировал запись по горячему следу... Еще до того, как до нее добрался Антон. Так-так.

– Они вырезали этот кусок! – выпалил Мацуми, и его узкие глаза расширились. – Вы понимаете?! Вырезали!

– Кто «они»? И какой кусок?

– Сволочи, – процедил Мацуми. Лицо его приобрело ожесточенное выражение. – Этого следовало ожидать.

– О ком вы, господин Мацуми?

– Подождите!.. Я не знаю... Сам ли Саймон, или кто-то помог ему... Но запись подчищена! Знаете, вам нужно послушать этот фрагмент... Обязательно!

– Я бы с удовольствием, – сказал Антон. – Только как?

– Послушайте! – возбужденно бросил Мацуми. – В стандартном регистраторе существует два инфомодуля. Запись на них ведется параллельно. Этого требуют регламенты безопасности.

– Дальше!

– Из лабораторного регистратора наутро был изъят только один модуль. Официальная версия была такова, что якобы кто-то из «обслуги» недоглядел... или вынул вторую «имку» для служебных целей. Неважно...

– Так-так, – произнес Антон. Внутри что-то поднималось, и он ощутил знакомое волнение. – А куда делся второй инфомодуль на самом деле?

– Его вынул я. В самом начале, еще когда мы только пробилась в зал... Толя уже тогда смекнул, что дело могут пытаться замять! Он сказал, если модуль не взять сейчас, то потом не найдешь никаких концов! Сам в полном шоке... Мертвую жену на руках держал, представляете?.. Но он умудрился шепнуть мне про модуль. Прошу, говорит, тебя, Накано!.. Ради меня и Лены и все такое... Ну, я незаметно и вытащил «имку» из регистратора, пока царила суматоха.

– Кто еще знал об этом?

– Каперин и я. Больше никто.

– «Имка» у вас с собой?

– Конечно, нет, – Мацуми впервые за все время улыбнулся. – В принципе, этот рассказ вообще не входил в мои планы...

– Однако вы свои планы изменили? – тоже улыбнулся Антон. – Почему же?

Мацуми смотрел на него внимательно и молчал.

Ты, также как и Каперин, хочешь знать правду, подумал Антон, глядя в прищуренные глаза Мацуми. Вот в чем дело. И как бы ты не старался все забыть, чувство неудовлетворенности всегда будет глотать тебя. До тех пор, пока ты не узнаешь эту чертову правду. Или хотя бы часть ее... Но вслух Антон сказал:

– Когда я могу получить модуль?

– Знаете, завтра у меня с утра смена, – сказал Мацуми. – Он хранится в моем номере на станции. Могу переслать вам копию, но только ведь каналы... конфиденциальность...

– Нет-нет, ничего не надо пересылать, – поспешно сказал Антон. – Модуль заберет господин Райнер, это начальник управления безопасности колонии. Мой коллега по следствию. Он завтра будет на «Саде» и найдет вас. Передадите «имку» ему лично. А дальше будет видно. Договорились?

Мацуми почтительно кивнул.

– И, разумеется, прошу вас никому ничего о сегодняшней встрече не рассказывать.

Глава 5. Кофе на свежем воздухе

День, определенно, выдался удачный, но, увы, и он близился к концу. Поддавшись наступлению вечера, айское небо привычно окрашивалось в сочные буро-лиловые цвета. Еще несколько часов – и на материк навалится густая крошечная тьма.

На столе пикинул вызов. Антон отошел от окна и вернулся на место. В углу монитора мерцало уведомление с адресатом «Анна Венская». Неожиданно что-то тепло толкнуло его изнутри, откуда-то из груди... Снова он перенесся туда, на Катлею, на вечернее побережье острова, где в теплых порывах ветра стояла Аня, молчаливая и стройная, в желто-синем комбинезоне, усыпанном искрами морских капель. Капли красиво блестели в лучах заката, а волны мягко лизали песок под ногами. Ее рука лежала в его руке, а губы были слегка приоткрыты, словно она хотела что-то сказать...

Он улыбнулся и ткнул кнопку ответа.

– Привет, – раздался из динамика голос Ани, и Антон понял, что она находится не в помещении. Доносились ухающие звуки автопогрузчиков.

– Привет, – не сразу ответил Антон, потому что в горле образовался странный комок. – Ты уже освободилась? Гуляешь по балкону и любишь пейзажами?

– Да нет... Еще с часок, наверное, поработаем. У нас перерыв минут десять. Вот пошли в бар кофе попить. Вкусно. Потом решили пройтись по балкону. Пейзажи глянуть, как ты говоришь. Красиво тут у вас. Горы, небо... и вообще... Очень мило. Я немного от всех отстала, чтоб тебе звякнуть. А ты как?

– Тржусь всю...

– А я хотела тебя в бар позвать после работы. Посидели бы, столько не виделись... У вас такой бар неплохой, забавный... Ты не против?

– Аня, что ты!.. – сказал Антон и почувствовал, как в груди разрастается волнение. – Правда ты украла у меня идею... Я закажу столик с видами на самые лучшие вечерние пейзажи!

– Здорово. Тогда я сообщу, как освобожусь, ладно?

– Конечно! Договорились.

Аня отключилась, а Антон еще некоторое время неподвижно сидел, уставившись в монитор. Сердце почему-то бухало и бухало, а он не понимал, отчего так разволновался. Странное ощущение... Подобного с ним не случалось давно. Спуститься в бар и непременно выпить кофе, возникла спонтанная мысль. Прежде чем Антон успел проанализировать эту идею, ноги сами вынесли его из кабинета. Возможно, они еще там, думал он, шагая к лифту, вдруг они задержались и до сих пор стоят и смотрят на айский закат...

Он не помнил, как спускался в лифте, и кто находился с ним в кабине. Он пришел в себя лишь тогда, когда ворвался в полупустое помещение бара и натолкнулся на царившие там тишину и спокойствие. Замер на пороге, озираясь, скользнул взглядом по прозрачным тонированным перегородкам, отделявшим бар от кольцевого балкона. Балкон тоже оказался почти безлюден. Одинокая мужская фигура, нависнув над перилами, застыла темным пятном на фоне неба.

Антон постоял с минуту, осматриваясь и прислушиваясь к себе. Потом вспомнил, что хотел кофе и медленно направился к стойке. И тут же наткнулся на пристальный взгляд Эльзы поверх доннышек перевернутых бокалов.

– Привет, – бросил он и облокотился о матово-серую поверхность стойки.

– Здравствуй, – сказала Эльза, продолжая изучающе его рассматривать. – Ты чего такой, а?

– Я?.. Ничего... А что?

– Странный весь. Взволнованный. В зал влетел словно потерял кого... Что случилось? Она слегка наклонила голову и заглянула ему в глаза.

– Ничего не случилось... – пробормотал Антон. – Эльза, ты... Ты мне сделай кофе, пожалуйста. Двойной.

Она удивленно вскинула черные брови и отбросила со лба длинную вьющуюся прядь.

– Антон, ты на себя не похож, – сказала она, позвякивая посудой за стойкой. – Ты бы себя видел со стороны сейчас! У тебя правда ничего не стряслось?

– Да, правда, правда, Эльза, – сказал Антон, блуждая взглядом по столикам. – Так... заработался... Ерунда, в общем. Не обращай внимания.

Эльза пожалала плечами. Возникла пауза. Она какое-то время производила скрытые от взгляда манипуляции с аппаратурой, потом послышалось шипение, и в воздухе распространился запах кофе.

– Эльза, – сказал он, – У меня к тебе просьба. Мне нужен столик сегодня вечером. Часа через два.

Она на мгновение замерла, затем посмотрела на него одним из тех своих таинственных взглядов, которые он так и не научился понимать до сих пор.

– Вот этот, например... – Антон показал на один из столиков у окна. – Хорошо?

– Это для нее? – вдруг спросила Эльза.

– То есть?.. – Антон несколько опешил. – Что ты имеешь в виду?..

– Для нее, – сказала Эльза с уверенностью. – Для той дамочки с Земли, что сегодня прилетела. Комиссия какая-то, тебе лучше знать. Похоже, что важные особы. Наши все так говорят... Значит, это для нее, да?

– Ну хорошо... – Антон покачал головой. – Пусть будет «для нее»... Хотя я не понимаю такой формулировки, Эльза. Она моя старая знакомая, еще по прошлой работе. Понимаешь, мы несколько лет не виделись, хотелось бы поговорить... былое вспомнить...

– Да что ты оправдываешься, Антон, – усмехнулась Эльза. – Зачем?

– Я не оправдываюсь... – обронил он. – Я объясняю.

Черт, мелькнула у него мысль, а ведь я и на самом деле оправдываюсь. Что за ерунда со мной происходит? Не понимаю...

– Так мы договорились насчет столика? – спросил он.

– Кофе возьми, – сказала Эльза и поставила дымящуюся чашку перед ним. – Сливки? Коньяк?

– Нет, спасибо.

На Антона она уже не смотрела. Снова размашистым движением головы отбросила назад густые волосы и отвернулась к монитору. От внимания Антона не ускользнуло, что губы ее были чуть поджаты.

– Эльза, – мягко сказал Антон. – Ты не ответила.

– За столик не волнуйся, – произнесла она, не поворачиваясь. В голосе ее появились оттенки сухости. – Как ее зовут?

– Аня, – ответил Антон, медленно покручивая горячую чашку на блюде. – Ее зовут Аня.

– А кто она?

– Член комиссии. Из нашего Управления.

– Ясно... Они правда снимут Габена с работы? – вдруг спросила Эльза. – А что с тобой станет?

– С чего ты взяла? – удивился Антон. – Что за странные идеи, а?

– Так... Наши болтают. Слухи.

– Эльза, – улыбнулся Антон. – Ты не верь слухам. Верь фактам.

– Да что мне факты...

Она, наконец, повернулась к нему. Взгляд у нее был чуть грустный.

– Я сердцу верю, Антон. Чувствам... – вздохнула она. – Вот это и есть для меня факты. А ты чего не пьешь? Просил – и не пьешь.

– На воздух пойду... – пробормотал он. – Подышу маленько. Спасибо, Эльза.

Он взял чашку с блюдцем и развернулся.

– А я думала, что ты придешь сегодня вечером... – бросила она ему в спину, и непонятно было: то ли это вопрос, то ли утверждение, то ли и то и другое одновременно.

– Да понимаешь... – начал было он, застыв вполборота, а потом умолк, с трудом подавляя желание оправдываться. – Эльза... Ты чего, ну в самом-то деле? Что ты хочешь сказать?

– Ничего я не хочу, – ответила она спокойно, и теперь во взгляде ее уже не было и тени грусти.

За стойкой, на компьютере Эльзы послышался звук всеобщего оповещения. Антон, не услышав сигнал на «коме», инстинктивно схватился за ремень, но обнаружил, что оставил прибор в кабинете. Это обстоятельство его поразило.

– «Штормовое», – произнесла Эльза. – До девяти баллов. Давно не было. Ты чего за живот хватаешься? Кофе вон чуть не расплескал.

– «Ком» забыл... – пробормотал Антон ошарашенно. – В первый раз. Потрясающе!

– Потерял? В зоне? Или где ты там сегодня был...

– Да нет, что ты... Это уж вообще бы!.. В кабинете оставил. Сроду не оставлял, и – вот на тебе...

Эльза ухмыльнулась и ничего не сказала. Легонько звенела стеклом и опять смотрела на него своим странным взглядом, не поддающимся расшифровке.

– Ты почему так смотришь? – озадаченно спросил он.

– Потому. Иди давай, а то кофе совсем остынет.

Она отвернулась, склонив голову к монитору и, давая понять, что всецело погружена в работу. Антон, шагая неторопливо, чтоб не расплескать кофе, вышел на балкон.

Темная фигура, в одиночестве распластавшаяся на перилах, вблизи оказалась сухощавым, рыжим господином Родкисом, одним из членов сегодняшней комиссии.

Антон отхлебнул остывающий кофе и поставил блюдце на перила. Родкис встрепенулся и немедленно приблизился к нему быстрым шагом. Глаза у него были прищуренные и изучающие, и вообще он производил отталкивающее впечатление. Сейчас спросит про кофе, подумал с неудовольствием Антон. Или про здешний климат.

– Решили проветриться? – поинтересовался Родкис, ослабившись. – Подышать, так сказать, воздухом... Наверное, уработались?

Мимо, с сожалением подумал Антон. Теряешь чутье, братец. Пора в отставку.

– Да-а... – протянул он и сделал глоток. – Не получится проветриться.

– А что так?

– «Штормовое» предупреждение объявили. Сейчас защиту по всему периметру врубят. И воздух уже будет искусственный. Вот так-то.

– Да? – сказал Родкис, снова облокотился на перила и стал смотреть куда-то в сторону горной цепи на фоне облачного неба. При этом на его бледном сморщенном лице периодически двигался узкий нос. словно бы жил отдельной жизнью.

– А вы что же? – сказал Антон. – Пейзажами любуетесь?

– Можно сказать и так... – отозвался Родкис. – Интересно, а что есть «шторм» на этой планете? Я, честно говоря, мало знакомился с материалами по климату.

– Ну, вы скоро сами увидите, – ответил Антон. – Это лучше видеть. «Шторм» обещают неслабый – значит, будет красиво. Будет, на что полюбоваться. К тому же вечерние «штормы» намного изящнее дневных. Это факт.

– Я гляжу, вроде облака начинают в какие-то линии выстраиваться... Необычно, честно говоря.

– А местные климатические явления вообще штука мистическая... – заметил Антон. – Их наукой с налету не возьмешь.

– Да ладно вам, – хмыкнул Родкис, шевеля носом и нюхая воздух. – Просто науки такой нет. Пока нет, заметьте!

– Не вы первый это говорите, – сказал Антон, улыбнувшись. – Но не будем спорить. Вы на Ае первый день, я – полтора года. Мы вряд ли пойдем друг друга в этом смысле. Здесь нужно прожить определенное время. Понимаете меня?

– Вы считаете? И что же? Так сказать, меняется мировоззрение? Мышление там?.. Или что?

– Не знаю. Но что-то меняется. Наверное, те, кто улетел отсюда, могут ответить точнее.

– Да? – сказал Родкис. – Хм-м... Интересно, а вы с ними общались? Ну, в рамках вашего следствия?

Антон уловил еле заметное изменение в его тоне. Родкис покосился на Антона, следя за его реакцией.

– Нет, конечно, – ответил Антон, ухмыльнувшись: – Они же улетели.

– И вы не пытались ни с кем связаться впоследствии? – осклабился Родкис. – Что-то не верится.

Ах, вот ты куда гнешь, подумал Антон. Вот чего ты хочешь. Ну уж нет, дорогой, это мы еще поглядим... Будем тему сворачивать.

– Господин Родкис, я не хочу сейчас говорить о работе. Давайте лучше – об облаках. Они куда прекраснее... Особенно на Ае. Согласны со мной?

– Облака?.. – сказал Родкис, косясь вверх и продолжая о чем-то размышлять. – Да-а... Замечательные облака. Но все же...

– То, что вы видите сейчас на небе – это только начало, смею вас уверить, – быстро заговорил Антон. – Смотрите, вон там... – Он показал рукой. – Где-нибудь через час они станут закручиваться в спирали. И раскручиваться. А у неба будут быстро меняться оттенки цвета... Знаете, этакая пульсация... Непередаваемое зрелище! Мы называем это шоу «танцами облаков».

– Да? – Родкис вскинул брови и стрельнул взглядом в Антона. – «Танцы облаков», говорите... – Он молча пошевелил носом, видимо, смиряясь со сменой темы разговора. – Опять лирика. Я, кстати, успел заметить, что люди здесь многие вещи называют, так сказать, привычными понятиями. Названия земных месяцев года – вместо общепринятых цифр... «Штормы» те же... А уж, гм-м, названия зон чего стоят!

– Человек привык все очеловечивать. Да, на Ае нет ни одиннадцатого, ни двенадцатого месяцев – зато остальные десять земных названий звучат много лучше, чем сухие цифры. Вас это удивляет?

– Не удивляет, конечно, но... Вот почему стоило оннам уйти с Аи, и люди сразу перевели всю их терминологию на свой лад. Любопытно. Не находите?

– А кто вам сказал, что это произошло с уходом оннов? Так было всегда. С того момента, как тут появились люди. Так что «Пупочная скважина» всегда была в обиходе землян «Пупочной скважиной», и все три «Ока Даннха» – тоже.

– Вот не знал, честно говоря, – снова удивился Родкис. – А как же... м-м... А онны не были против? Это ведь их епархия. Их, так сказать, монастырь...

– Да что вы! Онны – существа мыслящие. Понимающие. – Антон улыбнулся. – В общении с ними мы, конечно, используем онновскую терминологию. Их классификацию, аббревиатуры и номера эти трехэтажные... Трудно было, но привыкли. Люди же.

– Да? – проговорил Родкис, затем зашевелился всем телом внутри костюма и хищно вытянул птичью шею вниз. Что-то он все время разглядывал там, на земле, среди суетливого движения вездеходов в грузовом секторе.

– Интересно, а вы верите в понимание между расами? – спросил он вдруг.

Антон промолчал, пытаясь понять, куда он клонит.

– У вас же богатый опыт общения с неземными цивилизациями, не так ли? – Родкис взглянул на него, склонив голову набок.

– Я бы из скромности не стал называть его богатым. Но кое-какой имеется.

Антон несколько бы не удивился, начни Родкис сейчас перечислять все планеты, на которых Антону довелось побывать за пять лет службы оперативником. Но Родкис, несомненно, был калач тертый и не торопился открывать все карты сразу. Он перевернулся внутри своего костюма так, что почти лег спиной на перила. Глаза его были слегка прикрыты, словно он шурился от света.

– И как вы находите расу оннов? – спросил Родкис.

– Простите, что вы имеете в виду?

– В плане понимания между цивилизациями. Нашей и их. А?

– Полагаю, если захотеть, понять можно очень многое, – ответил Антон уклончиво. – Но это – если захотеть. И онны не исключение, поверьте.

– А кто еще? – тут же встрепенулся Родкис и хищно замигал глазками.

– Например, раса майголов, – неожиданно для себя сказал Антон. – Есть такая планета Катлея, колония Кафса. Знаете?

– М-м... Условно. На уровне того, что она существует. – Родкис осклабился. – Ну-ну! И что же?

– Так вот... Попробуйте понять майголов, – хмыкнул Антон. – Это вам далеко не онны. Куда сложнее.

– Да? Вот как! – живо заинтересовался Родкис и выпрямился. – Расскажите-ка, господин следователь! Чем же они примечательны? Ваши... э-э... майголы!

– Может быть, как-нибудь в следующий раз? У меня много работы.

– Однако, мне очень интересно, господин Сапнин. Расскажите, что вы, ей-богу.

Антон хотел было засопротивляться, но неожиданно для себя не смог. Стоило ему упомянуть о Катлее, и что-то внутри него непроизвольно ожило. Волна воспоминаний прокатилась по памяти, смывая налет времени. Воспоминания оказались настолько четкими и живыми, словно все было не далее, как вчера. Но почему?.. Почему он вдруг вспомнил именно про Катлею? Мало было у него странных рас, пока он бороздил космос? Почему Катлея? Неужели, из-за Ани? Из-за сегодняшней встречи?

Кажется, о чем-то не то говорил, не то спрашивал Родкис, размахивая руками. Бледное, вытянутое лицо его мелькало перед глазами, но Антон был уже не с ним.

Он находился далеко отсюда. Он ловил в теплой волне памяти бледные воспоминания, и они тут же расцветали. Опять запахло океаном, и он явственно ощутил на лице прикосновение брызг... Услышал отчаянный стон деревьев на скалах, рокот волн... Он прикрыл глаза. Перед его мысленным взором совершенно отчетливо возникли грязные, голые майголы, сбившиеся в кучу под скалой. Их спутанные волосы, колышущиеся на ветру. И безжизненные, ничего не выражающие глаза. Цепочки следов на мокром песке...

Слова сами стали слетать с губ Антона. Он говорил, говорил... рассказывал этому неприятному рыжему чиновнику, а сам все глубже и глубже проваливался в дурманящие глубины прошлого...

Катлея была планетой морского типа – россыпи островов на ее поверхности занимали не более десяти процентов площади. Никаких материков на Катлее не было. Флора и фауна на всех островах, коих насчитывалось несколько тысяч, была всюду одинакова, так же как и климат. Раса майголов, представлявшая на Катлее единственный разумный вид существ, была неотъемлемой частью природы планеты и уже сама по себе являлась загадкой для многих цивилизаций, исследующих космос. Для землян в том числе. Майголы являли собой один

из образцов идеи о том, что техногенное развитие отнюдь не является абсолютной истиной. Понимаете меня, господин Родкис? Возьмите, например, их мироустройство!.. Оно же одновременно сложно и просто до безобразия. Образ жизни ведут на островах, причем образ совершенно дикарский... Строят в лесу хижины, ползают по деревьям не хуже зверей, охотятся, ну, и так далее. И размножаются, заметьте, отнюдь не почкованием! Одним словом, распространенный тип эволюции туземцев с рядом объективных ограничений. Но что удивительно, господин Родкис! За таким примитивным вариантом физиологического существования скрывается удивительная схема функционирования их разума. Дело в том, что у майголов нет разума, присущего каждому индивидууму. Вы сталкивались вообще в своей практике с коллективным разумом? Хоть где-то, а? (Родкис несколько замялся с ответом, стал отчаянно водить носом по сторонам, но Антон уже разошелся). Так вот, мил человек!.. Разумом (в человеческом понимании) у майголов обладают только специальные особи мужского пола. Избранные своего рода. Причем, на каждый остров приходится по одному «избранному». И остров с его населением, таким образом, есть уже не только географическое понятие! Между «избранными» (а значит, и между островами) по всей планете существует целая система ментальной взаимосвязи. Она позволяет объединять майголов в некую разумную Сеть со своей иерархией. Каждый «избранный» на своем острове – фигура, уполномоченная управлять племенем. И все островитяне ментально связаны со своим «управляющим центром», с «узлом» острова (так называли их наши исследователи по какой-то древней аналогии). И знаете, к чему это приводит? К тому, что ни одно разумное действие ни одного члена островного социума не может быть инициировано им самим. Носитель разума – лишь его носитель, но не монополюный владелец. Понимаете? Фактически рядовые члены племени – лишь исполнители воли «узла»... но можно ли назвать их слепыми исполнителями чьей-то высшей воли?.. Ведь высшая воля, в свою очередь, складывается из сотен мелких частичек! Вот и ответьте... Имеем ли мы дело с добровольным отказом от самостоятельности мышления? А может, делегируя «узлу» право управлять ими, жители племени получают что-то взамен? А? Вот в чем вопросы... А вы говорите «наука»...

Возникла пауза, и в этот момент Антон вдруг осознал, что говорит много, и их диалог давно перерос в монолог. Родкис уже ничего не спрашивал, он лишь деликатно кивал, слушая Антона, и периодически склабился. Вал воспоминаний быстро схлынул. Так же внезапно, как и подступил. И тогда Антон, словно протрезвев в одно мгновение, замолчал и взглянул в полупустую чашку с давно остывшим кофе.

– И что же? – осторожно поинтересовался Родкис. – Как вы ответили на эти вопросы?

– Никак, – выдохнул Антон, – Нам, оперативникам УКБ, было не до того... Нам бы майголов спасти от смерти как можно больше, пока они себе шеи на скалах не переломали да потом в спасательные грузовики сгрузить... Остальным пусть занимаются ученые.

Родкис молчал, крутил носом и все поглядывал вниз. Словно и сам был не рад, что спровоцировал Антона на этот рассказ.

Антон допил холодный кофе.

Со всех сторон слышались глухие чмокающие звуки автоматки. Это узлы силовой защиты, паутиной покрывавшие Базу по всей поверхности, плавно выходили на рабочий режим. В воздухе нарастало характерное свистящее гудение. Еще минут пятнадцать и от «предштормовых» порывов айского ветра, прохладного и жаркого одновременно, не останется и следа.

– Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство, – произнес Антон. – Прошу извинить, но мне надо идти.

Родкис торопливо выпрямился, будто проснулся и часто замигал.

– Господин Сапнин, еще минуту. Пара вопросов, если не затруднит.

Тон у него сменился, став сухим и официальным. Прищуренные глаза наблюдали уже не за движениями грузовых подъемников, не за суетой техников, торопливо переводящих

транспортные ангары в режим защиты – они изучали Антона. Теперь у Антона возникло подозрение, что Родкис стоял на балконе не случайно, а специально поджидал его.

– Вы хорошо знаете господина Яннана?

Антон ответил не сразу, соображая, куда мог клонить этот тип.

– Смотря что понимать под словом «хорошо»... – проговорил Антон, внутренне настожившись. – Оннов вообще нельзя знать на «хорошо» в людском понимании. Конкретнее, если можно.

– Вы друзья? В людском понимании.

– Нет, конечно же. Я иногда прибегаю к его помощи. Обычно в качестве сопровождающего или пилота.

– Да? Как сегодня? – тут же спросил Родкис. – Когда вы летали на «Слезы Этты»?

– Именно так. Согласно инструкции на территории зон нельзя находиться одному. Райнер часто бывает загружен, и я не всегда могу его оторвать от дел. Да и не считаю это необходимым. А Янн практически всегда свободен. Эх – тоже, но с ним я не особо в контакте. А с Яном мы хорошо ладим. У него, как технического консультанта, здесь мало работы. Особенно в последнее время.

– И он никогда не отказывается?

– Не припомню такого.

– А о чем вы говорите с ним обычно? Ведь говорите же?

Антон сделал паузу и посмотрел на Родкиса.

– Господин Родкис, – медленно сказал он. – Я, право, не знаю насколько вы осведомлены о психологии оннов, об их коммуникативных особенностях, о тонкостях речевых оборотов... О нюансах мышления, наконец... Что вы, собственно, хотите узнать? Допрашивал ли я его? Говорил ли с ним о красоте облаков на Ае? Что?

Родкис не ответил, навалился на перила и снова уставился вниз.

– Дело в том, что, технические аспекты колонизации планеты меня почти не интересовали. А большего для расследования от этих двух оннов ждать не приходится. Непосредственного отношения к трагедиям они не имели. Должно быть, вы в курсе, что онны в последние годы не вели ни собственных ни совместных с людьми проектов. На тех зонах, которые они по соглашению отдали людям, присутствуют только их наблюдатели. И все.

– Кто такой Эх?

– Эхалл, напарник Янна. Второй онн, оставшийся на Ае в качестве консультанта. Мы его Эхом зовем... Послушайте! Ведь мои отчеты для вас не секрет, я думаю. Вы этого не можете не знать, господин Родкис! Ведь знаете! Или я чего-то не понимаю?

– Знаю, – неохотно отозвался Родкис, продолжая глазеть с балкона.

– Тогда что вас интересует? Хотите разобраться в тонкостях душевной организации оннов?

– А вот интересно: у них есть душа? – вскинулся Родкис, цепляясь за слово, чтобы уйти от ответа. Даже улыбнулся, правда это получилось у него несколько враждебно.

– Насчет души – не ко мне, – хмыкнул Антон. —Ну... если вопросов больше нет...

– А Габена давно знаете? – вдруг спросил Родкис.

Чего же ты хочешь, дядька, подумал Антон, глядя в бесцветное, бледное лицо собеседника. Или ты мне тестирование тут устроил?

– Габена знаю только по работе на Ае, – сухо ответил Антон. – Раньше даже не знал о его существовании. Вас такой ответ устраивает?

Родкис промолчал. Потом начал крутить головой по сторонам. Словно выслеживал добычу.

– То же самое могу сказать в отношении Карла Райнера, – продолжил Антон. – И вы об этом осведомлены не хуже, чем я. Не понимаю, к чему подобные вопросы. Или вы жела-

ете узнать, о чем мы с ними говорим за обедом? Ведем ли диспуты о существовании души у оннов, да?

– Нет, зачем же... – Родкис криво ухмыльнулся. – Что вы на самом деле, господин Сапнин? Не придавайте особого значения моим вопросам. Мы же, так сказать, не на официальной беседе. Но ведь... – Он замялся или симитировал замешательство.

– Да-да, – с неохотой сказал Антон.

– Ведь госпожу Венскую вы знали еще до прибытия на Аю, не так ли?

Антону такой поворот в разговоре совсем не понравился. Хватит, сказал он себе, пора закругляться.

– Венскую я знаю еще со времени оперативной работы в Управлении.

– И, по-моему, речь как раз идет о Катлее, правильно? Вы так много сейчас говорили о ней... Почему, интересно?

– Простите, но при чем тут Анна? – недовольно сказал Антон.

– Информация, просто информация. Не мне вам объяснять, господин следователь, – осклабился Родкис. – Вы знали о том, что Венская будет в составе комиссии?

– Я вообще не знал о комиссии, – отрезал Антон.

– Да? Ладно. Предположим. А нельзя ли тогда уточнить про тот период... Вашей оперативной работы... Как и при каких обст...

– Нет! – оборвал его Антон. – Нельзя! Я не хочу говорить об этом. По крайней мере сейчас и здесь.

– Ладно-ладно... – сдался Родкис, задвигался под костюмом и развел руками. – Я не настаиваю.

– В таком случае, счастливо оставаться.

Антон развернулся и зашагал по балкону к выходу. У овального проема он оглянулся.

Родкис стоял, засунув руки в карманы брюк и смотрел на плотное скопление облаков в южной части небосклона. «Шторм», по всей видимости, грозился быть масштабным. Облака вытягивались и «искрились», то закрывая, то обнажая фиолетовые куски неба, на которых уже начинали проступать сочные вишневые сгустки, напоминающие капли крови.

Глава 6. Группа Штольца

Антону повезло: около часа его никто не беспокоил. Он сумел потратить этот час на сбор и систематизацию данных по группе Германа Штольца, пострадавшей во время «черного марта» на «Слезях Этты». Информации он наскреб, как и ожидал, негусто, но тем не менее картина по персоналиям вырисовывалась следующая.

Собственно, сам Герман Штолец, уроженец Земли, возраст – 45 земных лет, по образованию – молекулярный биофизик. Коллега и соратник Зордана по работе на Земле и ряду исследований на Мекате-3. Кроме того, был близким другом Зордана и человеком, которому Зордан основательно доверял. Штолец прибыл на Аю вместе с Зорданом, участвовал во всех его проектах.

Найден на утро после катастрофы в результате прочесывания местности в четырех километрах от «Слез Этты». Штолец медленно брел на север из последних сил, утопая по колена в сырой траве, в совершенно невменяемом состоянии. Удивительно, как он вообще умудрился пройти сквозь цепи дымчатых болот и не сгнуться в них. На месяц Штолец был помещен в лазарет Базы. Ничего из произошедшего он не помнил, причем это не было притворством – память ученого действительно пострадала, и это было установлено врачами. Стремления собранной в срочном порядке комиссии (Антон в тот момент еще не было) выудить из пострадавшего какую-либо информацию закончились безрезультатно. Штольцу удалось вспомнить лишь несколько несущественных и разрозненных деталей, касающихся прибытия группы в зону поздно вечером и последующего развертывания оборудования. Дальнейшие события, включая начало катаклизма, оказались начисто стертыми из его памяти.

Антон так и не успел допросить его – не прошло и месяца после трагедии, как Штольца вывезли на Землю «для прохождения курса реабилитации». Случилось это буквально через две недели, после того как Антон прилетел на Аю. Формально нельзя было утверждать, что вывоз важного свидетеля был организован тайно. Нет... Процедуру просто не согласовали с Антоном. Это обстоятельство его сначала возмутило, и он даже устроил небольшой скандалчик по этому поводу: прежде всего в госпитале, а потом и в кабинете Габена. Тогда ему вполне резонно заметили: не согласовали, господин следователь, поскольку от вас не поступало никаких указаний на сей счет. Будем иметь в виду в дальнейшем, впредь подобного не допустим, заверили его. Однако, заверения эти оказались ложью.

Второй член группы, Мария Пшенко, возраст на момент трагедии – 33 земных года. Уроженка Земли, ученая: не то биохимик, не то генетик, не то всё вместе – уточнять Антон не стал. Работала с Зорданом на Ае постоянно на протяжении всех трех лет. До появления на планете с Зорданом знакома не была. Обнаружена мертвой спасательным катером спустя несколько часов после начала катастрофы. Нашли ее на краю «пятака», среди россыпи «каменей» с вытянутым лицом, широко раскрытыми глазами и ртом, напрочь забитым пылью. Труп лежал на спине, руки и ноги были раскинуты в стороны. Ни внешних, ни внутренних повреждений у Пшенко не обнаружили, и причина смерти осталась не установленной. Роль в зордановском проекте «Сапфир-Х» – тоже.

Персона третья. Франко Делла, самый молодой из четверки Штольца, 29 земных лет, уроженец Софии, биоинженер по образованию и роду занятий. Прибыл на Аю по собственному контракту, с Зорданом ранее знаком не был. Первые два года колонизации работал непосредственно под началом Стоцкого, после чего был взят Зорданом в проект «Сапфир-Х». Его нашли в завалах камней, метрах в ста от «пятака», наполовину погребенным. Сначала решили, что он и погиб-то, собственно, от удара обломка – его позвоночник оказался сломан в двух местах, а ноги стиснуты в каменном капкане. Когда выволакивали тело, обнаружили, что затылок Делла сильно разможен. Если бы не валяющийся рядом пистолет, то сочли бы, что голову

ему тоже проломило булыжником. Даже входное отверстие в суматохе обнаружили не сразу. Медики позже установили, что перелом позвоночника не был причиной смерти Делла. Единственное предположение, какое приходило на ум в данной ситуации было такое: он покончил с собой, находясь в состоянии болевого и психологического шока, понимая, что не может выжить и что не доживет до появления помощи. Почему он в это не верил, и шла ли речь о вере вообще – это, как и многое другое, осталось под покровом тайны.

Четвертый член группы Штольца тоже умудрился выжить в заварухе, и был вывезен впоследствии с Ай тайком от Антона. Это произошло спустя всего пять дней после того, как Антон допросил его в первый и последний раз. Звали его Тимур Карелов. Биотехнолог, 37 земных лет, уроженец Земли, обеспечивал техническое сопровождение проекта на «Слезях». В связях с Зорданом в доайский период замечен не был. Практически сразу попал в проект Зордана и все три года был закреплен за подразделением Штольца. Вряд ли Карелов мог что-то знать о сути проекта «Сапфир-Х», поскольку был специалистом вспомогательной службы, но, тем не менее, он относился к выжившим свидетелям. Данное обстоятельство при расследовании уравнивало многие профессии.

Его обнаружили с воздуха неподалеку от «пятак» еще ночью, во время спасательной операции. Карелов сидел на корточках и монотонно раскачивался, не издавая ни звука. Все лицо его оказалось залито слезами, а состояние было близко к обморочному. На нем не нашли ни единой царапины, несмотря на то, что стихия вокруг бушевала нешуточная, и Карелова могло несколько раз убить или покалечить. Посчитали, что парню сильно повезло, а что еще тут можно было придумать? После месячного восстановительного курса он заговорил, хотя медики из лазарета его так и не выпустили.

Память Карелова уцелела в большей степени, нежели у Штольца. Сумбурные сведения, полученные от Карелова, были фактически единственным источником информации о том, что происходило в зоне во время катаклизма. Антон допросил Карелова сразу, как только представилась возможность. Случилось это лишь к исходу пятого месяца пребывания Антона на планете. Во время допроса Карелов то периодически становился невменяем, то приходил в себя, и эти фазы чередовались с переменной цикличностью. Он ни словом не обмолвился о проекте Зордана, и Антон так тогда и не понял: то ли Карелов ничего не знает по существу, то ли не хочет об этом рассказывать.

Картина бедствия, по показаниям Карелова, выглядела так: катаклизм ворвался на «пятак» практически молниеносно – причем катаклизм Карелов понимал весьма ограниченно. Для него он сводился к урагану, в щепки и клочья разметавшему приборные секции и энергоблоки. Сколько времени длился ураган, Карелов не знал, с его слов «время исчезло», и все остальное он помнил «как во сне». Нечетко, несвязно и без уверенности, что это произошло на самом деле, а не явилось плодом его помрачившегося сознания. Сначала он упал на колени возле стоек с мультитатчиками и закрыл руками уши, потому что отовсюду доносились крики его коллег. Потом ему вдруг стало страшно, безумно-таки страшно. Он даже понять ничего не успел: кто именно кричит, и что происходит. Ужас «ворвался в него потоком» и заполнил все внутренности – беспричинный, парализующий ужас. Казалось, будто бы одновременно кричат все, включая его. Ему трудно было это определить. Он видел, как Штолец и Пшенко упали и поползли по земле в разные стороны. Встал на дыбы и перевернулся на бок вездеход, порывом ветра повалило и покатило по земле излучатели. Дальше он услышал, как с хлопками рвутся крепёжные тросы... После этого он уже ничего не видел и не слышал. Ужас рвал его на части, ему хотелось вжаться в землю всем телом, втиснуться в камни, зарыться в траву, спрятаться. Он мечтал об одном: чтобы это прекратилось, иначе еще немного и сердце не выдержит, взорвется... Потом и он сам куда-то полз. Кажется, продолжал кричать, хотя и не слышал собственного крика. Он забыл обо всем, он превратился в комок голых инстинктов, спеленатый страхом...

Минуло пять дней после допроса, и Карелова вывезли на Землю, мотивируя это тем, что результаты его реабилитации на Ае не дали нужного эффекта, и наблюдаемому пациенту необходима принципиально иная среда для восстановления. Дабы никто не смог усомниться в обоснованности решения медиков, операцию по вывозу Карелова провели очень быстро. И опять все произошло за спиной Антона.

Был еще один участник событий на «пятак»: Сэмюэль Санчес, инженер-наладчик отделения спецоборудования. Непосредственного отношения к проекту Зордана он никогда не имел. Однако, Санчес был другом погибшего Франко Делла.

Обнаружили Санчеса в районе кольцевых завалов без сознания и каких-либо повреждений поблизости от трупа Делла. По общепринятой версии Санчес бросился другу на выручку, находясь (как и многие во время стихии) в шоковом состоянии. Антон допрашивал его однажды и ничего ценного не узнал. По показаниям Санчеса выходило, что сам он ничего не помнит: ни как выбрался из станции, ни как бежал к «пятаку», ни как искал Делла в завалах, подвергая себя смертельной опасности, ни как потом упал, потеряв сознание. На первый взгляд, это был типичный случай действий человека в состоянии невменяемости, какие десятками фиксировались на станциях, вовлеченных в стихийное бедствие. Санчес остался жив только чудом, но подобные обстоятельства уже мало кого удивляли. Жив – и хорошо. Значит, судьба такая. После трагедии Санчес прошел курс психологической реабилитации. Когда персонал «Слез» расформировали по другим объектам, он стал работать по своей специальности на Базе, в управлении инфраструктуры.

В связи со вновь поднятой темой по работам Зордана есть смысл вызвать Санчеса еще раз, подумал Антон. Он поспешно запланировал встречу в своем расписании на завтра.

Потом устало откинулся в кресле и прикрыл глаза. И так, сказал он себе, подведем итог. Что нас интересует в первую очередь? Прежде всего, дальнейшая судьба Штольца и Карелова. Узнать, что с ними случилось после Аи. Переговорить по возможности, если они окажутся в поле досягаемости. Вот вам, дяденька, и еще один запросец! Что еще? Обязательно «пробить» по базе героев сегодняшнего «ролика» – мало ли что сыщется...

Он размял пальцы. Голова была тяжелая. Стучать по клавиатуре совершенно не хотелось. Хотелось сидеть в баре, пить что-нибудь спиртное, смотреть в замечательные зеленые глаза Ани и вспоминать былое... Где же она была все это время? Ведь он ничего не знал о ней. И почему, черт побери, тогда, после Катлеи он так быстро сдался? Почему он не нашел ее? Ведь он запросто мог тогда... Стоп! Он хлопнул ладонью по столу. Усилием воли заставил себя не думать об Ане, не окунаться в прошлое. Нужно сосредоточиться на работе, не отвлекаться!.. Хотя бы час, еще час... Окунаться будем после.

Это оказалось трудно – не отвлекаться и не думать об Ане. Огромным усилием воли Антон заставил себя отключиться от романтических мыслей и запустил диспетчер запросов.

Через пять минут информационный запрос о судьбе Штольца и Карелова был составлен и благополучно отправился на Землю. Это был уже второй его внешний запрос за сегодня. На первый – относительно досье Зордана и членов его группы, погибших на «Пупке», – ответа он до сих пор не получил.

Пока запрос гулял во мраке космического пространства, Антон опять вспомнил давний допрос Тимура Карелова. То что говорил тогда Карелов нельзя было назвать рассказом: обрывочные фразы в ответ на навоящие вопросы. Да еще долгие томительные паузы и пустой, ничего не выражающий взгляд, словно Карелов разговаривал сам с собой. На многие вопросы Карелов просто не отвечал, будто бы Антон их не задавал, зачастую обрывал фразы посередине. И ни разу за время допроса не посмотрел Антону в глаза. Даже никак не прореагировал на появление Антона в своей комнате.

Был в записи допроса один момент, который Антон прослушивал позднее неоднократно и о котором вспомнил сейчас снова. Наверное, в связи с вопросами Родкиса про оннов... Тогда, год назад, Антон тоже пытался говорить с Кареловым об оннах.

Он отыскал запись, нашел среди двухчасовой беседы это место. Это был один из тех моментов, когда Карелов впал в фазу плохой вменяемости.

От экрана Антон отвернулся, откинулся в кресле и уставился в потолок – он уже достаточно посмотрелся на сухое бледное лицо Карелова, его безжизненные глаза и едва шевелящиеся губы.

КАРЕЛОВ: ...зачем предполагать? Когда достаточно знать...

АНТОН: Все-таки, я повторю: вы хотите сказать, что знаете причины трагедии?

КАРЕЛОВ: Знать... Понимать... Видеть... Пред-ви-деть...

АНТОН: Так знаете или нет?

Молчание.

АНТОН: Хорошо, вы предвидели что-либо подобное? Может, было предчувствие?

КАРЕЛОВ: Разве кто-либо способен предвидеть?

АНТОН: А как вы думаете? Может, онны способны?

Молчание.

АНТОН: Как вы полагаете, почему онны не объясняют причин своего внезапного ухода с планеты?

Молчание.

КАРЕЛОВ: Пред-чув-ствие... От слова «чувство»...

Пауза.

КАРЕЛОВ: Сильно кричат слева... Не надо так сильно кричать... Это больно... Кто может предвидеть?

АНТОН: Тимур, вы слышали мой вопрос? Вы знаете о том, что онны сделали официальное заявление Земле? В течение месяца они сворачивают все свои проекты. Вы можете прокомментировать это хоть как-нибудь?

КАРЕЛОВ: Комментировать... Кто комментирует действия оннов?.. Ком-мен-тарий... Кто?

АНТОН: Я понимаю, что это бессмысленное занятие. Ну, скажем так: у вас, Тимур, есть свое мнение? Предположение?

Пауза.

КАРЕЛОВ: Предвидеть недостаточно... Нет-нет-нет!

АНТОН: Почему вы заговорили о предвидении? Кто мог предвидеть трагедию? Онны?

КАРЕЛОВ: Предвидеть недостаточно... Не-до-ста-то-чно.

АНТОН: Онны могли, Тимур? Почему они не предупредили, если предвидели?

Молчание.

АНТОН: Хорошо. Спрошу по-другому. Что значит «предвидение» в данном случае? Что это? Знание? Чувство? Что значит «предвидение», Тимур?

КАРЕЛОВ: Я не знаю...

АНТОН: Хорошо, вы не знаете. А кто-нибудь знает? Кроме вас?

Молчание.

КАРЕЛОВ: Я не знаю... Нет-нет... Разве может раздавить небо? Человека? Разве небо может? Че-ло-ве-ка...

Пауза.

АНТОН: Скажите, вы много общались с оннами?

Пауза.

КАРЕЛОВ: Что значит «чувство»?.. Чувство... Что это? Что?

Пауза.

КАРЕЛОВ: Сильный ветер... Машины поднимает в воздух... Очень горячо... Почва какая-то раскаленная... Небо такое тяжелое... Почему небо такое тяжелое? Разве небо может раздавить человека? Небо... Разве там могут быть ангелы? Где они бывают? В горах... в лесу... Где-где?.. Разве ангелы – в небе?.. Нет-нет...

АНТОН: О чем вы, Тимур? О каких ангелах вы говорите?

КАРЕЛОВ: Небо очень тяжелое... Совсем горячее... Страшно, когда небо раздавит...

АНТОН: Тимур, вернитесь! Тимур, вы в палате. В медотсеке на Базе. Вы слышите меня?

Пауза.

КАРЕЛОВ: Общаться с оннами... Зачем общаться с оннами? Зачем чувствовать?..

АНТОН: Все-таки, вы общались с оннами?

КАРЕЛОВ: Да-да... Все общались с оннами... Они сделали официальное заявление... В течение месяца...

АНТОН: Хорошо. Замечательно! А можете сказать, чем они отличаются от людей? Ну, на ваш взгляд.

Молчание.

АНТОН: Вам трудно сформулировать?

КАРЕЛОВ: Они сделали официальное заявление... Они хотят уйти с планеты... Они отличаются от людей... Да-да, конечно, отличаются... Предвидеть недостаточно... Онны...

Пауза.

АНТОН: Хорошо... А как вы думаете, онны способны чувствовать в нашем, человеческом понимании?

КАРЕЛОВ: Нет-нет... Зачем? Никто ничего не чувствует...

АНТОН: Поясните, пожалуйста.

КАРЕЛОВ: Никто не чувствует... Только запах... Сильно горит... Можно задохнуться и умереть... Упасть в воду... Воды много... Откуда так много воды? Кто знает? Кто-кто... Откуда вода?

Пауза.

АНТОН: Воды нет, Тимур. Запаха нет. Все кончилось. Мы с вами в медотсеке. На Базе. Вы понимаете? Вы меня слышите?

КАРЕЛОВ: На Базе... в медотсеке... На Базе в медотсеке очень много препаратов... много препаратов... Все время – медосмотры... Зачем, зачем?.. Все время препараты... биоблокаторы все время...

Пауза.

КАРЕЛОВ: Разве оннам нужны биоблокаторы?.. Био-бло-ка-то-ры... Мышление... мышление... Зачем им чувствовать? Зачем... в человеческом понимании?.. Че-ло-век... Чувство-вать... От слова...

АНТОН: Вы хотите сказать, что им не нужны биоблокаторы? Почему вы заговорили об этом?

Молчание.

АНТОН: Почему вы так решили?

КАРЕЛОВ: Биоблокаторы нужны всем... Такое правило... Нельзя без них, нет-нет...

Пауза.

КАРЕЛОВ: Разве у оннов другие биоблокаторы? Разве другие?.. Зачем им другие биоблокаторы? Зачем?.. Они хотят уйти с планеты, хотят уйти... Они сделали официальное...

АНТОН: Погодите... что значит «другие биоблокаторы»? Что вы имеете в виду?

КАРЕЛОВ: Зачем биоблокаторы?.. Оннам... В течение месяца... Нам нужно, только нам... Нам очень много нужно... А зачем нам это нужно?.. Можно задохнуться и умереть... Упасть в воду... Небо может раздавить...

АНТОН: Хорошо-хорошо...

КАРЕЛОВ: Это очень больно, если небо раздавит...

АНТОН: Послушайте меня, Тимур... Тимур!.. Вы меня слышите?

КАРЕЛОВ: Да-да... Мы на Базе... Здесь очень много препаратов... Пре-па-ра-ты...

АНТОН: Вот какой вопрос... Вы можете вспомнить время, хотя бы приблизительное...

Антон остановил запись. Посидел в тишине, раздумывая. Странно... Что хотел сказать Карелов и хотел ли вообще?.. Другие биоблокаторы. Другие для оннов? Отличающиеся от биоблокаторов для людей? Бред сумасшедшего, фантазии пострадавшего мозга? Или он что-то знал, догадывался, предполагал?

Антон никогда раньше не интересовался ни биоблокаторами, ни их действием на организм человека. На Ае было незыблемое правило: принимать их регулярно согласно предписанной схеме – он и принимал... Как и все в колонии. Ему даже не приходил в голову подобный вопрос: отличаются ли биоблокаторы для людей и для оннов? Но почему, черт возьми, он именно сегодня вспомнил об этом? Что за день такой выдался? А? Кто-нибудь мне объяснит?

В углу экрана замигала пиктограмма внешнего сообщения. Пришел ответ на недавний запрос, и Антон набросился на него с жадностью, какой не испытывал уже давно.

Первый пакет информации касался судьбы Германа Штольца. В файле содержался текст некоей аналитической записки из информационных недр УКБ (автор не упомянут, оно и понятно) составленной почти год назад по летоисчислению Аи. Из записки следовало вот что.

Вывезенный тайком на Землю полтора года назад Штолец официально должен был пройти курс реабилитации. О содержании курса в записке говорилось вскользь: курс был не из стандартной программы комитета здравоохранения ДКИ, а разработанный специально под Штольца. После прохождения курса он поселился где-то в Австралии, вдали от мегаполисов, в зеленой зоне и повел отшельнический образ жизни. Он не стал работать по специальности. Напрочь прекратил все прежние контакты с друзьями и знакомыми, которых у него насчитывалось огромное количество (все-таки десять лет работы с Зорданом). Семьи у него никогда не было. Казалось бы, ничего странного в этом отшельничестве для человека пережившего трагедию, подобную айской, не было. Но отшельничество его стало принимать странный характер.

Штолец неожиданно начал проявлять недюжинное рвение в попытках вырваться с Земли. Допуск во Внеземелье ему был закрыт по медицинским показаниям на многие годы, если не навсегда (и Антон прекрасно понимал, кто еще кроме медиков мог приложить руку к разработке подобных показаний).

Существование на Земле Штольца не только не устраивало – оно явно не входило в его планы. Пять раз за три месяца он подавал прошение в Департамент Космических Исследований, и пять раз ему лаконично отказывали, не утруждая себя объяснениями. ДКИ был большой бюрократической структурой, и чтобы пробить ее требовались значительные силы, связи и аргументы. Ничем этим, по всей видимости, Штолец не обладал, поэтому он избрал единственно возможную для себя тактику – прошибание стены лбом. Доведенный до крайности Штолец попал-таки однажды на прием в отделение контрактов ДКИ, где учинил скандал, требуя пересмотра медицинского заключения, немедленной его перевербовки и вылета с Земли ближайшим рейсом. По свидетельствам очевидцев выглядел он в ту пору совершенно одержимым. После инцидента в ДКИ Штолец вернулся к себе в Австралию и утих. До самого конца он о себе никак не напоминал.

Финал истории оказался драматичным, хотя и не удивительным в подобных обстоятельствах.

Месяц спустя после его возвращения домой система безопасности дома, в котором он проживал, зафиксировала отсутствие какой-либо активности жильца в течение нескольких суток. Согласно нормативу это был сигнал для действий службы жизнеобеспечения. Сотрудники службы проникли в дом и обнаружили Штольца мертвым в собственной постели. При-

чина смерти осталась неустановленной (на что Антон хмыкнул). Выглядело все так, будто бы Штольц однажды взял да не проснулся. Осмотр имущества ничего не дал, за исключением того, что в его компьютере было найдено неотправленное письмо. Текст письма гласил: «Я сегодня умру, я это не только чувствую – я знаю. Сопротивляться я не могу. И самое главное, что я не хочу этому сопротивляться. Другого выхода не существует». Адресат письма указан не был. Осознанно Штольц это сделал или нет, предназначалось ли его предсмертное послание самому себе – оставалось только гадать.

На этом содержательная часть аналитической записки неизвестного автора кончалась. Разумеется, никакого анализа относительно причин смерти Штольца в документе представлено не было. Или же данный вариант записки, который прочел Антон, был тщательно отредактирован. К запросу также прилагался файл с протоколом осмотра вещей в доме Штольца, тоже – ничего путного. Ну и ладно, для начала и это неплохо, сказал себе Антон и перешел к следующему материалу. Он касался Карелова.

Данных по Тимуру Карелову пришло крайне мало. Всего-навсего стандартная справка архива УКБ, в соответствии с уровнем доступа, которым обладал Антон.

В справке значилось, что после возвращения на Землю Карелов прошел восстановительный курс, не принеся успеха. Курс был модифицирован и пройден повторно – результат не изменился. Более того, как гласила справка: «состояние Карелова стало резко ухудшаться». Что именно имелось в виду под ухудшением состояния история умалчивала. По контексту документа можно было частично предположить, что речь шла о серьезных нарушениях психики Карелова, полной утрате им личности и превращении в существо, практически не способное жить самостоятельно. По прошествии месяца после вторичного курса он был помещен в спецклинику комитета здравоохранения ДКИ, где дальнейшие его следы терялись. Ни имени лечащего врача, ни конкретного подразделения клиники – ничего не сообщалось. Не тот уровень допуска – ясно как божий день. Но Карелов хотя бы оказался жив, а, значит, был потенциальным носителем информации. Это вселяло некую надежду.

Антон почувствовал, как в душе зарождается спортивная злость. Вдруг, не все так мрачно? Хотя ДКИ и УКБ выращены из зерен, посаженных на одном поле, и подобраться к данным будет ой как непросто. Нужно подключать шефа. Конечно, Арчеру такой расклад не понравится, он недолюбливает, когда его допуском пользуются по пустякам. Но если не пустяк, а, шеф?

Несколько минут Антон обдумывал свой завтрашний разговор с Арчером, затем вернулся к входящей почте.

Он обнаружил ответ на его первые запросы относительно досье на Зордана и его соратников. Ответ был предельно краток. Отказ в доступе, без комментариев. Запрос о проекте «Сапфир-Х» – отказ в доступе, без комментариев. Запрос на получение временных кодов доступа по интересующей тематике – отказ, без комментариев. Было похоже, что тайная магия имени Бориса Зордана простиралась не только на архивы айских баз данных. Все, что так или иначе было связано с деятельностью его группы, оказалось покрыто налетом секретности. Куда вам, старший следователь, носа совать не желательно.

Вот же черт, подумал Антон и забарабанил пальцами по краю клавиатуры. Но я же знал, что мне дадут полный отлуп, знал! Разве это меня удивило? Вовсе нет. Но ведь разозлило? Определенно, да. Хотите, чтоб я сдался без боя?

Он вспомнил сегодняшней визит на «Слезы», появление Ани, допрос Мацуми... Нынче весьма удачный день, просто-таки весьма удачный. Впервые за последние месяцы он почувал, что еще не все потеряно. И кто-то хочет помешать ему?.. Ну нет, господа хорошие!

Антон встал из-за стола, вышел на середину кабинета, несколько минут стоял покачиваясь с пяток на носки и скрестив на груди руки. Потом замер и решительно произнес:

– Ну уж нет, господа хорошие. Ну уж нет.

Глава 7. Лаборатория 3/10

Карл отозвался не сразу, и вызов пришлось повторить. Наконец на экране появилось его напряженное розовое лицо.

– А, это ты... – буркнул Карл, стаскивая с себя наушники.

– Коллега, – сказал Антон. – Около часа назад я направлял вам запись допроса господина Мацуми. Вы имели честь с ней ознакомиться?

– А я что делаю?.. – отозвался Карл. – Вот сижу и слушаю. Второй раз, между прочим.

– Понравилось? – хмыкнул Антон.

– Еще бы! – напряжение с лица Карла постепенно исчезало, он приходил в свое обычное возбужденное состояние. – Я уже весь в предвкушении! Рву поводья и стремена!..

– Это хорошо, – одобрил Антон. – Давай-ка сообразим наш расклад на завтра.

– Чего тут раскладывать?! – недоуменно воскликнул Карл, и его кустистые брови вскинулись вверх. – На «Сад» мчим во весь опор! Там столько вкусноты! «Имка» Мацуми, Саймон!.. Очень смачно все вытанцовывается.

– Успокойся, дорогой, – сказал Антон. – На «Сад» полетишь без меня. К Мацуми пойдешь сам, возьмешь «имку», прослушаешь, сравнишь записи, найдешь вырезанные фрагменты. Возможно, их там несколько – поэтому нужен полный сравнительный анализ, Карл! После скинешь мне все найденные купюры. Если со временем будет напряг, – а он будет – я после обеда, по пути на «Сад» их прослушаю. Последующие действия – по обстоятельствам после моего прибытия на станцию. Вопросы, капрал Райнер? – повысил голос Антон.

– А Саймон, сэр?! – гаркнул Карл. – Не терпится его увидеть!

– С ним надо осторожно. Прижимать его надо сразу и намертво – чтобы никуда не рыпнулся. А для этого факты нужны, улики. Ищи их, Карл. Слова Мацуми – не доказательство, сам понимаешь. Еще вопросы есть, капрал?

– Никак нет, сэр! – рявкнул Карл.

– Жду результатов по записи Мацуми к полудню. Вольно! Можете идти.

– Слушаюсь, сэр.

Антон дал отбой связи, и решительное лицо Карла исчезло.

Он еще раз пробежал глазами ту скудную информацию, что удалось выжать из базы касательно людей из «ролика». Тем не менее это была новая для него информация, что несколько тешило его следовательскую душу.

Александр Ульф, уроженец Земли, 40 земных лет на момент трагедии, заместитель начальника лаборатории биохимии 3/10. Во время эвакуации с гибнущей станции получил сильные ожоги, был госпитализирован. После реабилитации по настоянию медиков вернулся на Землю, где у него проживает семья. Попыток восстановить работу по контракту на Ае не предпринимал, и о дальнейшей судьбе его ничего не известно.

Антон Вайсман, уроженец Роммера, 47 земных лет, начальник упомянутой лаборатории 3/10. Жан Котенко, уроженец Земли, 35 земных лет, ведущий специалист той же лаборатории. Оба погибли при попытке спастись из зоны бедствия. Катер, на котором они пробовали пробиться сквозь каменный хаос в воздухе, подхватил смерч и швырнул на землю с высоты нескольких сот метров. Никто из пассажиров не выжил. Помимо Вайсмана и Котенко в катере находилось еще двое сотрудников станции, к работам Зордана не причастных.

Женщин с именем Светлана среди персонала станции оказалось две: Гордон и Рябова.

Гордон отпала сразу, поскольку ни прямого, ни косвенного отношения к проекту «Сапфир-Х» не имела, после расформирования персонала перешла в структуры «Сада». Среди допрошенных Антоном ранее не числилась, в ночь трагедии спала. В настоящий момент интереса для следствия не представляет.

Светлана Рябова, уроженка Золотого Камня, 25 земных лет, сотрудник департамента информационного обеспечения станции. Среди этих же сотрудников оказался и искомый Марат Сайфуллин, уроженец Земли, 31 земной год. Прямой связи с проектом ни тот ни другой не имел, в обязанности их входила лишь информационная поддержка проектов. Скорее всего, ни Сайфуллин, ни Рябова даже не догадывались о сути проекта. В настоящее время оба работают на «Саде», профиль деятельности, разумеется, не изменился.

Сью Кэтхен, уроженка Софии, 28 земных лет, сотрудница лаборатории 3/10, генетик. (Среди работавших в тот период на «Слезях Этты» с именем Сью в базе была обнаружена только одна женщина). Кэтхен покинула Софию после школы второй ступени, дальнейшее образование и научную стажировку проходила на Земле. Как и подавляющее число колонистов завербовалась на Аю по персональному контракту. Во время катаклизма ей удалось вырваться со станции на катере с группой других сотрудников и благополучно добраться до Базы. Однако пережитые события нанесли ей серьезную душевную травму. Именно этим она объяснила свое нежелание оставаться на Ае. После завершения медицинских процедур Кэтхен прервала контракт и отбыла на Землю. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Разумеется, интерес представлял и сам таинственный автор «ролика», чьи ощущения зона запечатлела в себе, хранила все это время и так щедро преподнесла сегодня Антону. Решила, почему-то, что сегодня – самое время... Кто бы это мог быть, размышлял Антон. Может, кто-то из той же пресловутой лаборатории Вайсмана? Надо будет проверить весь численный состав.

Попытки найти информацию о том, чем на «Слезях» занималась лаборатория 3/10, успехом не увенчались. Система несколько секунд что-то «обдумывала», и в результате не выдала по запрошенному подразделению ничего кроме административной и организационно-распорядительной мути. На разделах, касающихся тематики работ, проводимых лабораторией, язвительно-оранжевым цветом мерцали поля с надписью «Шифр архива утрачен». Антон этому не удивился. Он не стал останавливаться на глубоких раскопках деятельности лаборатории. Он более чем был уверен, что ничего не найдет – в этом его убедил полуторагодовалый опыт.

Еще несколько минут спустя он снова скармливал диспетчеру очередную пачку запросов к базе данных УКБ. Первое, что Антон запросил: судьбу вернувшихся на Землю сотрудников лаборатории номер 3/10 Сью Кэтхен и Александра Ульфа.

В другом задании он настырно повторил запрос о досье членов группы Зордана, а также данные по проекту «Сапфир-Х». Только на этот раз Антон решил направить запрос не напрямую, а через санкцию Арчера. Правда необходимость использования санкции шефа приводила к тому, что ответ мог прийти не ранее завтрашнего утра. Что ж, придется ждать.

Третий запрос касался Тимура Карелова. Кроме полного досье Антона интересовала возможность допросить Карелова по спецканалу. Ну или, на худой конец, его лечащего врача. «Ступайте, родные», – проговорил Антон, и диспетчер послушно сглотнул пакет заданий.

Потом Антон удовлетворенно выдохнул и закрыл глаза.

В какой-то момент подсознание воспользовалось паузой и увлекло память в прошлое... Кабинет снова исчез, уступив место побережью. Непрерывно накатывали на песок волны, и низкое катлейское солнце, изредка проглядывающее из гущи облаков, раздавало находившимся на берегу надежные длинные тени. Антон уж и позабыл как оно называлось, это солнце, а ведь помнил раньше...

Он все сильнее растворялся в прошлом, качаясь на волнах воспоминаний. В памяти возникла недавняя сцена на балконе и фраза Родкиса: «Как вы ответили на эти вопросы?» Да, мы и не думали тогда о таких вещах, господин Родкис... Даже в голову не приходило. Мы знали только то, что было важно и нужно для нашей работы. Для того, чтобы спасти толпы майголов, больше похожих на стада животных. Нам достаточно было знать, что «узлы» на островах всегда живут отдельно, в больших хижинах, что семей они не имеют и большую часть времени

проводят в сеансах связи с Сетью. Мы знали, что соплеменники полностью обеспечивают их одеждой, питанием, жильем. Тщательно оберегают и охраняют «узла», и это понятно – все-таки «узел» это воля и разум всего племени, не дай бог что случится... Нам хватало знания о том, что магнитные бури Катлеи обладают печальной способностью выводить из строя разум «узлов» на ближайших островах в районе ее эпицентра. Выглядело это ужасно. Поэтому магнитные бури на Катлее всегда представляли огромную опасность для аборигенов. И надолго обеспечивали работой кафсианские центры спасения. Но никогда мы не задавались философскими вопросами типа: почему падает уязвимость майгольской Сети при магнитных бурях? Почему гуманоиды в один момент вдруг превращаются в животных? Проклятие ли это расы майголов или неизбежная плата за своеобразие их коллективного мышления? Это сейчас ему интересно об этом размышлять, а тогда... Тогда все сводилось к элементарным вещам: био-радару и десантному автомату на шее, километрам лесной чащи и времени, которого совсем в обрез. И еще к троим стажерам, глядящим на тебя с уважением и трепетом, внимающим каждому твоему слову...

Из прошлого, омываемого пенными водами, обдуваемого вечерним ветром, в настоящее из искусственного света, серых пластиковых стен и кожаных диванов Антона вернул настойчивый писк службы вызовов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.